

К11242708

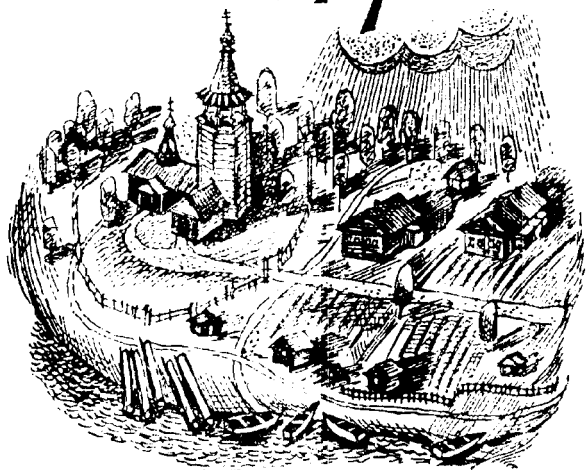
Анатолий Ехалов

Вечера
на
Галдарее

A watercolor illustration of a traditional log cabin with a steep, dark roof and a bell tower. The cabin is built from horizontal logs and has several windows and a door. In the background, a church with two onion-shaped domes and a cross is visible. The scene is set in a rural landscape with some foliage in the foreground.

Анатолий Ехалов

Вечера
на
Галдарее

К1 1242708

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. В. Гоголя

PC
E93

P2 + iCP

Анатолий ЕХАЛОВ

ББК 84 П 7 ВЕЧЕРА НА ГАЛДАРЕЕ
Рассказы

Новая книга вологодского писателя Анатолия Ехалова полна юмора, оптимизма, веры в Россию и ее народ. Написана она живым русским языком, какой сегодня уже редко встретишь в нашей литературе.

Редактор - А. К. Ехалов
Технич. редактор - А. Ф. Гребенщиков
Художник - В. И. Новиков

Сдано в набор 20.01.95 г.
Подписано к печати 14.02.95 г.
Формат 70*90 1/32. Бумага писчая.
Гарнитура - Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,11.
Тираж 10 000 экз.
Заказ № 117 Цена свободная.

Набор, компьютерная верстка и изготовление диапозитивов - частное издательство А. Гребенщикова. ЛР № 063779.
160000, г. Вологда, ЦОС, а/я 90.

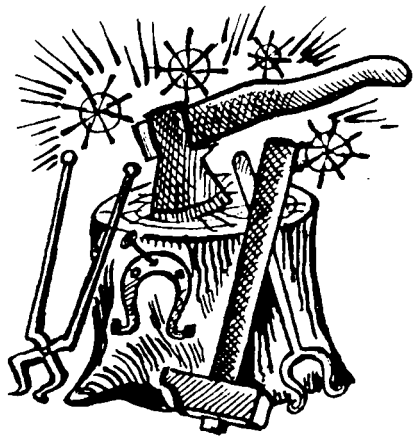
Отпечатано с готовых диапозитивов
ИПП «Кострома»
156010, Кострома, Самоковская, 10

ISBN 5-88768-002-4

© А. Ехалов, 1995

Е 4702010200-002 Без объявления
63К(03)-95

OT BHI TA !

«ГОЛОВА ТВОЯ УЧЕНАЯ»

Из Москвы приехала к нам бригада социологов изучать рейтинг политических лидеров.

Дело полезное узнать, что думает деревенский человек, какому богу молится? А деревенскому не менее интересно послушать человека из столицы, прикинуть: в какую сторону ветер дует? Устроил я их в пустующем доме, где и сам в ту пору обитал, социологи - народ привычный, спальники есть, печь работает, колодец у дома, удобства во дворе.

Утром лаборант Леночка Тагиева пошла за водой на колодец и услышала, как беседуют между собой наши соседки бабка Александра, прозываемая в народе Санькой-Трактором, и Лидия Филина. Остановилась, прислушалась и в полном недоумении вернулась домой.

- Ребята, - говорит, - тут такое делается, что и понять ничего невозможно.

Высыпали все на крыльцо. Утренний холодок далеко голоса разносит. Слышу, как тетка Лида докладывает бабке Александре:

- Этта улицей иду, а навстречу бежит Ручкой. Как он, девка, выскочит, так токо не на два метра огород перескочил. А Клавка мне

и кричит: Лидка, глико-ты, чо у тя Ручкой-от в огороде делает! Картофь зорит, ровно комбайн. Ведь без картошки оставит, адит-от!»

- Да ведь не Ручкой, - поправляет тетку Лиду бабка Саня.

- А как?

- Скажи, так и я скажу. Верховной-то депутат, фамилья ишо такая круглая...

- Бурбулис, что ли?

- Он, лешой его неси...

Бабка Саня с теткой Лидой набрали воды и ушли. А москвичи так и остались на крыльце с открытыми ртами. Я - то знал, о чем шла речь, но не стал им говорить - пусть сами дойдут: легче будет рейтинг подсчитывать.

Позавтракали на скорую руку, вышли в деревню. Бежит навстречу нам небольшое овечье стадо. Впереди крупный баран с нахальными навывкате глазами.

Из-за изгороди доносится голос местного фермера Василия Анфалова:

- Бурбулис, мать твою!

А с угора на угор несется другой призывный клич:

- Шахрай, Шахрай!

- Бе-е-е! - отвечает ему кто-то невидимый...

...В обед встречаю бабку Александру.

- Что же это, - говорю, - бабка Саня, у тебя на дворе делается? Ведь нехорошо. Оскорбление чести и достоинства. Ведь за это и упечь могут...

Бабка Саня сердито молчит, гремит чугунами в печи.

- Ничего такого я не знаю, мы народ темной. Газет не читаем, радиов не слушаем.

А через минуту, уже помягчев:

- А что до Бурбулиса, так поделом и досталось. Неча по загородам чужим шастать. Садись-ко давай, чай пить.

Попили мы чаю, пошла меня бабка Саня до дверей провожать, а сама бурчит:

- Ишь, до чего дожили. Барана своего худым словом не назови. Демократия, называется...

Вечером социологи меня спрашивают: «Почему, - говорят, - соседку нашу Санькой-Трактором зовут. Какой она трактор: метр с шапкой, сухая, как стручок.»

- Трактор и есть, - отвечаю. - Вот ей скоро семьдесят, а держит корову, нетель, быка, наверное, на полтонны весом, овец... Сама косит, сама стогует, все сама. Вся пенсия на скотину уходит, молока не попробует - бычку поит, лучший кусок - нетели. Так и живет. Ежели бы не было на Руси таких вот «тракторов», так давно и нас не было бы.

Тут бабка Саня сама к нам сумерничать правит. Едва на порог зашла, как кричит:

- Толька, ты там не чул, в Москве-то, собираются оне советку власть восстановить, либо нет? Гнать надо всех этих правителей, спекулянтов и кулачье, а идти по пути, который завещали нам наши учителя Карс Марс и Финдрих Энгельс...

Усадили мы бабку Саню за стол, стали угощать разными московскими деликатесами. Старший социолог стал было объяснять бабке

Сане суть проводимых в стране реформ, ваучеризации, приватизации... Прищурилась бабка Саня и спрашивает доверительно ученого:

- Вот, мил человек, ты тамotka к верхам недалеко. Не помог бы в прощении? Двор у меня совсем худой стал. Весь на подпорках. Боюсь, завалит меня со скотиной. Вот я бы хотела ваучер свой во двор вложить, чтоб нова власть мне двор новый поставила. Можно это, либо как?

Ученый наш смутился и больше про реформы не заговаривал.

А бабка Саня взгрустнула, стала прошлую жизнь поминать.

- Раньше, - говорит, - жизнь была не чета нынешней. Вот какой товар делали - у меня клиентка на столе ищо при Сталине брата, а все как новая. При Сталине-то хорошо было. Бывало как навезут на выбора товару всякого, да пойдём мы с бабами голосовать, да накупим все резиновых сапогов...

- Да ведь Сталин-то тиран был, - сказал тихо кто-то. - Да и в отношении учения Маркса большие сомнения...

- Не знаю, не знаю... - не поверила бабка Александра. - Все на моих глазах прошло. Тятя мой тоже на леволюционеру учился, только вот он на большое правление не попал: а председателем сельсовета работал. Вот от него я грамоту-то и знаю. Карс Марс у них самый главный был. У него ищо две дочки были, одну Женей звали, а другую-то всяко Танькой... А Владимир-от Ильич с

Осипом Виссарионовичем у него обучались за границей. Их там-от много обучалось, а вот на большое правление только эти двое и попали. Уж ничего худова ни про которова не скажу. Особенно Осип Виссарионович, представительной был мужчина. Он умственно правил безо всяких там министров и секретарей. Вот только Каганович ему помогал да Ворошилов. Всю-то он жись с врагами боролся. - Она тягостно вздохнула. - И Берия был врагом... А тут заходит к Осипу Виссарионовичу Клемент Ефремович Ворошилов и говорит: «Сталин! Всяко тебя этот Берий дак окружил со солдатами!» А Осип Виссарионович выходит на крыльцо и говорит солдатам: «Взеть его!» Вот и взели. И оказался он враг народа. А Осип Виссарионович, он с детских лет страной управлял. И все один, все один... - Бабка Саня перевела дух и сочувственно закончила - Уж хоть бы позвал кого...

Воцарилась тишина. Слышно было только, как бабка Саня прихлебывает чай, с усталой мудростью поглядывая на старшего социолога.

Тут у нас снова проскрипела калитка. Еще одна гостья появилась в дверях - тетка Лида - и тоже с порога стала излагать свои претензии к местной власти:

- Автобус не ходит уж которой месяц. Куды жаловаться идти?

- Я думаю, что жаловаться теперь бесполезно. Не то время, - отвечал я на правах хозяина.

- Нет, в райком надо идти. Это не порядок.

- Нету, тетка Лида, теперь райкома, ликвидировали.

- Тогда в райисполком, - не сдавалась она.

- И райисполкома нету. Тоже ликвидировали.

- Тогда в леспромхоз пойдём. Автобус-то леспромхозовский был.

- Тетка Лида, ты чего, разве не знаешь, что и леспромхоза теперь нет. Продали леспромхоз в Швецию вместе с вашим автобусом. Уж если вам жаловаться, то это надо в Стокгольм обращаться.

- Надо будет, и туды напишем. Разве это годится - которой месяц без автобуса.

Мы спорить не стали, а тоже усадили тетку Лиду за стол.

- Ну, а вы-то по какой части будете? - спросила она моих гостей.

- Мы - социологи. Занимаемся проблемами менталитета электората - ответил старший социолог.

- А-а, - понятно сказала тетка Лида. - А я думала землемеры. Землю перемерять приехали. Все землю хотят отдать народу.

- Уж и без них отдали. Все покосы анфлятам-хермерам отрезали. Дак они теперь нам наше сено продают. Накосим, а потом еще и купим.

- Коммерсантами они теперь называются. Да еще этими - письдесменами, - вздохнула тетка Лида.

А бабка Саня покровительственно погля-

дела на нашего ученого социолога и вдруг ошарашила:

- Вот ты, ученая твоя голова, скажи мне: Сахаров, какой большой ученый был, а одного не мог постичь, либо не захотел. Говорят, человек от облизьяны произошел. Вот ему, Сахарову, и надо было взять сямя простого советского человека и осеменить искусственно облизьяну. И посмотреть: получится чего, либо ничего не получится. А ежели получится, то каково у него будет обличье: то ли человечесье, то ли облизьянье...

Все засмеялись, а бабка Саня обиделась и обрезала строго:

- Я вам сурьезно говорю, а вы гогочете. Я дак вот чего думаю: мы, труженики, произошли от планеты Земля, ну, там ученые какие, писатели и поэты - эти, может, от Адамы и Ева. Ну, а уж всякие там коммерсанты, пьсьдесмены и брокеты - так эти точно от облизьяны.

...Дня через два наши социологи уезжали. Бабка Саня пришла проводить их, принесла кринку топленого молока. Восторг был полный, и про менталитет электората как-то позабыли. А бабка Саня склонилась к уху лысеющего старшего социолога и зашептала ему доверительно так, что слышно было на весь дом.

- Вот, ты, милый человек, ученая твоя голова, там в Москве и передай, что в нашей деревне Васька-хермер - американский шпиен.

- Ты чего, бабушка Саня? - удивился со-

циолог.

- Э-э, уж я-то знаю, - зашептала она страстно. - Вот мы пойдем косить, а он корзинку на руку и - в лес. А в лесу у него рация. Он всю информацию американцам передаст, те хренакнут водородну бонбу, вот оно и льет, и льет с утра до ночи.

Так все сено и погниет у нас.

Социолог поверженно молчал.

- Ну, сам-то он как, накашивает? - спросил я бабу Саню.

- Какое там! Заливает все поголовно. - Сказала бабу Саня, безнадежно махнув рукой, и... подмигнула мне молодого.

ПОНЕСИ БАДОГ...

Леха Петров, детина медвежьей силы, ко- сая сажень в плечах, отважный малый и за- диристый, отправился на моторной лодке за клюквой. Было у него заветное место, кото- рое он ревниво оберегал и никому не пока- зывал. Мужики не раз пытались выследить Леху, но тот, словно индеец из племени гу- ронов, так искусно запутывал следы и сби- вал с толку преследователей, что до сих пор никому не удалось выведать того ягодного места, где клюква родилась не меньше Ле- хиного ногтя. А они были соответственны Лешкиным кулакам, на которые не приведи Бог кому-либо нарваться. Недаром прозви- ще было Лехе - Культиватор.

Итак, Культиватор отправился за клюквой. В устье заросшего ивняком ручья он схоро- нил лодку, проверил, как обычно, нет ли хвоста, и бодро тронулся в путь. В лесу было тихо, безлюдно. Вскоре Леха успокоился и пошел, уже не оглядываясь. До места было ходу минут сорок чернолесьем, потом нуж- но было еще пересечь подмошье, поросшее осинником и березняком. Вот тут-то, в под- мошице, Культиватор и обнаружил, что за ним следят самым нахальным образом. Сквозь молодой лиственный подрост он заметил три серые тени, необычно короткие, но широ- кие в плечах, бойко продвигающиеся по зыб- кому приболотью.

- О, понеси бадог, - выругался Культива-

тор, - надыбали и хоронятся.

И он нарезал во весь свой разгонистый лосиный мах, выбирая путь в чапыжнике погуще. Минут через десять напряженной гонки он перевел дух, оглянулся и с раздражением отметил, что преследователи не отстают, а даже наоборот, догоняют его, как-то очень уж плавно скользя по неровному, опутанному черничником кочкарнику. Тогда Леха решил плюнуть на дипломатические увертки.

- Эй, мужики, - гаркнул он во все свое луженое горло, - вали отсюда, пока целы!

Мужики приостановились, рассыпались и стали обходить Культиватора с трех сторон.

- Врешь, не возьмешь! - крикнул Леха и снова ударил в бега, только набирушка заколотила бешено по ногам.

Однако мужики тоже прибавили ходу и стали выходить Культиватору наперерез. Леха только теперь более-менее разглядел их. Невысокие, широкоплечие, длиннорукие и..., что самое было удивительное, без голов. То ли на головы они натянули фуфайки, то ли еще каким другим образом представлялись...

- От, живоглоты, - загневался Леха. - Ишь, дурят-то. На испуг хотят взять. Не на того нарвались! Он встал в боевую позу, тряхнул крутыми плечами.

- Вы чо, в натуре, мужики, - заорал он. - Не ясно? Сказано, дернуть отсюда! Ну-у!

Но Лехин громкий рык не произвел на преследователей никакого впечатления. Они быстро приближались к нему.

И тогда ретивое у Культиватора выиграло.
- А-а! - заревел он еще громче и яростнее.
- Я предупреждал. Ну, теперь держись. Он ухватился за березу в руку толщиной и, как спичку, переломил ее у комля.

- Моя финка пятый номер - позолоченный носок! - заорал он.

Безголовые безмолвно и решительно наступали. Леха стало немного жутковато.

- Если кто еще не помер, - рявкнул он, каждую строчку отрывая, словно гвоздь вколачивая, - припасай на гроб досок!

В могучих руках Культиватора береза превратилась в увесистую дубинку. Леха со свистом покрутил ее в воздухе.

- А ну, подходи, кому жись не дорога!

Первым сунулся к нему мужик с левого края. Культиватор уже не мог себя остановить и, ухнув, опоясал преследователя дубиной. Странно - Леха не почувствовал никакого сопротивления, словно дубина прошла через пустое место. Только сияющий искристый след остался там, где она соприкоснулась с телом безголового. Культиватор махнул направо. И снова, свистнув, дубина, будто через пустоту, прошла через следующего безголового, у которого на груди Культиватор успел разглядеть какой-то круглый светящийся диск. Все происходило в полном молчании.

Культиватор не выдержал. Взвыв от накатившегося страха, он крикнул:

- Да вы чо, мужики, в натуре! Да вы кто хоть есть-то? Ежели вам клюква нужна, -

покажу, только отвалите от меня, мужики...

В ответ - тишина. Тут Культиватор увидел, как над болотом висит какое-то странное светящееся сооружение в виде шара и, ощупывая зеленым лучом под собой пространство, приближается в их сторону.

Культиватор взвыл раненым медведем и бросился бежать во всю прыть.

... Отдышался он только на середине реки, мотор, натужно воя, мчал на всем газу своего хозяина. Леха оглянулся: над лесом, в том месте, где лежало болото, было видно какое-то странное серебристое свечение.

- Понеси бадог! - выругался он. - Неужели пришельцы из других миров? - пришло вдруг ему в голову.

Пока Культиватор ехал до дому, мысль о пришельцах утвердилась в его сознании. Чувствуя исключительность своей персоны и момента, который пережил в лесу, Леха стал необычайно говорлив.

- Я, гу, мужики, в натуре, вали отсюда! Я не посмотрю, с какой вы галактики! - докладывал он на работе шоферам. И в глазах его светился восторг от собственного поступка.

День на третий Леху увезли в Кувшиново.

Через неделю Леха вернулся из больницы подозрительно молчаливый. С месяц, наверное, народ еще вспоминал Лехин задвиг, посмеиваясь над ним незло, а потом и позабыли об этой истории, пока газеты одна за другой не начали печатать сенсационные материалы о якобы появившихся в Харовс-

ком и других районах Вологодчины пришельцах. Безголовых, плоских, длинноруких со светящимися дисками на груди, появляющихся из огненных шаров.

И тут же вспомнили сразу о Лехе Культиваторе. Председатель профкома прибежал в гараж с газетными вырезками.

- Алексей Владимирович, - кинулся он к Культиватору, - так это что же получается? Так, значит, все, что вы рассказывали, правда? Нужно срочно сообщить в газету!

Вокруг их уже собиралась толпа. На Культиватора глядели восторженно и боязливо.

Леха огляделся, повел могучими плечами, потом усмехнулся ехидно:

- Вы чо, мужики, в натуре! Крыши, что ли, поехали? А ну, дерни отсюда. Работать надо, понеси бадог.

ПОДВИГ КУЛЬТИВАТОРА

А вот эту историю Леха Культиватор рассказывать любил. Жил Леха в соседней деревне, на работу и с работы нужно ему было ходить кладбищем, что, впрочем, нашего героя нисколько не смущало: Леха не то что покойников, но и живых-то никого не боялся.

Так вот, раз пришлось Лехе Культиватору возвращаться домой ночью.

- Иду это я, - рассказывает он компании,

- и в ус не дую. Только вижу -впереди огонь маячит, и тени вокруг свежей могилы мечутся. Прикидываю - сегодня тут похоронили девицу из нашей деревни. А девка-то была - такую полюбить - полжизни за ночь отдашь! И что с ней произошло - никто не знает. Угасла, как лампада.

Слушатели поплотнее подвигаются к Лехе, и глаза у всех светятся неподдельным интересом. Леха понижает голос и почти шепотом повествует дальше.

- Подхожу. Три мужика с лопатами и фонарь «мышь летучая». Копают могилу этой самой девки.

Ну, думаю, тут дело нечистое. Надо это безобразие прекратить. И как гаркну из всей мочи: «Стой! Руки в гору! Лопаты брось!» - Слушатели вздрагивают испуганно. Леха сверкает глазами, и вид его устрашающ.

- Стой! - кричу я им, - громыхает Леха. - А они, вижу, не испугались. Один достает из кармана наган и прямо мне в лоб целит. Ну, говорит, вот и работник. Бери, говорит, лопату да откапывай гроб поскорее. Не то самого тут вот и закопаем!

- Признаться, ребята, струхнул я, - горячо шепчет Леха. - И в самом деле мозги вышибить могут. Взял это я лопату - и давай копать. Скоро и до гроба докопался. Они мне сверху гвоздодер кидают. Крышку, кричат, открывай. Не то... И наганом грозят. Сердце у меня от страха в горле стучит, а делать нечего. Подцепил я крышку, вижу - лежит девица-краса, ровно живая. А эти сверху фо-

нарь подают да ножик. Кольцо, говорят, на руке у нее золотое сыми, а не будет сыматься - ножом отсеки.

И верно. Не могу я кольцо-то у нее стащить. Взял ножиком по пальцу и чиркнул...

Леха трагически замолкает. Публика не дышит от волнения.

- И тут, братцы мои, девица-то как вскрикнет. И вижу я, встает она в гробу-то...

Дурно мне сделалось. Память потерял. Очнулся: девица меня за плечо трясет. «Леша, - кричит, - Леша! Где мы?»

Во, ужас-то. Мужиков тех, конечно, как волной смыло. Пооклемался я, спрашиваю: «Ты ведь померла, Веруха?» Она: «Дак не видишь разве - живая.»

Тут я смекнул, что, наверное, у девицы летаргический сон был, а ее схоронили. Вылез я из могилы, вытащил ее. Обсказал все, как думал. Она просит: «Ты меня домой отведи. Как бы папе с мамой дурно не стало.» Какой разговор. Пришли мы к ее дому, а дом на замке. Родители, видишь, у родственников ночуют. Ну, она ключ нашарила, в дом вошли, свет зажгли. Девица-то и говорит: «За подвиг, говорит, твой, Алексей, должна я тебя отблагодарить. Никому, говорит, я не принадлежала, а твоей буду. погоди, говорит, только я одеколоном себя полью, а то землей пахнет.»

И вот начала она себя одеколоном брызгать, а потом говорит, давай и тебя полью, ты тоже, говорит, землей пахнешь... И начала она, братцы, и меня одеколоном поли-

вать и тут... - Леха делает глубокий трагический вздох, округляет ужасно глаза, производя на публику потрясающее впечатление.

- И тут... Просыпаюсь я, братцы, под забором. А на меня, простите за выражение, кобель ногу поднял и ... поливает. Вот. - И Леха так же глубоко, с наслаждением вздыхает, словно заглатывает стакан неразведенного «Рояля».

НЕПРИЛИЧИЕ ВЕЛИЧИЯ

- Не от того наши домики покосились, - сказал мне старик в одном большом, но наполовину разрушенном селе. Мы беседовали с ним о парадоксах аграрной политики. - Что касается нашего колхоза, - совершенно серьезно говорил старик, - то нас мания величия подвела.

- Как так?

- Рассказываю. Урожай мы испокон веку хорошие собирали. Земля родила, и уменьье было. Нашему председателю до ордена - один шаг.

Вот после уборочной собирает он правление. С одним планом хлебосдачи, говорит, мы успешно справились, - возьмем, говорит, обязательство и второй сдать! Правление на дыбы: «А чего колхозникам на трудодни останется?»

Сколько ни давил, ни ломал - устояли пусть, отвечают, общее собрание решит. Все

как сейчас: Президент с парламентом не договорится - на референдум вопрос выносят. Пусть, мол, народ скажет. Ну, а тогда народ не дурак был. Ради председательского ордена кто свое кровное отдаст?

Повесил было наш пред головушку, а потом по столу хлопнул:

- Собрание так собрание!

Вот в клубе весь колхозный люд собрался. Все чин чином: портреты вождей в красном углу, на сцене - президиум, председателя нет. Пять минут - нет, десять... Заволновались, зашушукались. На двадцать минут уже задерживается. Что такое? И вот из боковушки стремительно выкатывается наш шарок в каргуде и с портфелем под мышкой. Взлетел, как петух, на трибуну, окинул зал орлиным взглядом и молчит. Торжественно так молчит, значительно.

Притихли мы, а он, воссиянный, как грянет: «Поздравляю вас, товарищи колхозники!»

И снова - тишина со значением. Ну, чистый Левитан. Подобрались мы, а он гремит дальше:

- Только что я разговаривал по прямому проводу... с вождем мирового пролетариата, генералиссимусом всех времен и народов, нашим мудрым учителем и кормчим... Иосифом Виссарионовичем Сталиным!

Нас как волной со скамеек подняло. Удалили мы что есть мочи дружное «ура», так что лошади у коновязи пообрывались. И так, стоя, аплодировали, наверное, с полчаса.

Еле-еле унялись: шутка ли, сам вождь удостоил такой чести.

- Так вот, - говорит в продолжение наш оратор, - товарищ Сталин просит нас максимально напрячь силы и выполнить второй план по хлебосдаче. Прошу голосовать. Кто «за»?

Снова встаем и - в аплодисменты. Хлеб сдали вплоть до семян. И с тех пор двойной план по хлебосдаче так за нами и остался. Обнищали вконец.

- Дали председателю орден? - спросил я старика.

- Направление в дурдом дали. А надо было, выходит, весь колхоз лечить. Не могли, дураки, сообразить, что телефон в деревне месяц как не работает.

ПЕШИЙ ИМПЕРАТОР

Любят у нас в стране до сих пор ударять автопробегами по бездорожью. Рассказывают, как одному местному актеру довелось принимать участие в таком автопробеге, причем должен он был сыграть в нем роль ни много-ни мало, а самого царя Петра.

Всем получился хорош царь: и ростом, и поступью, и поглядом гневливым, и кафтаном расшитым, и голосом властным.

Как стукнет посохом, как рыкнет басом раскатистым, глазом сверкнет - так у свиты мороз по коже, и ноги в коленях сами под-

гибаются.

Пока репетировали, царь наш так в роль вошел, что позабыл, что он не царь вовсе, а всего лишь безвестный актер маленького театра. И свита рядом с царем свою прошлую службу из головы выкинула: подумать только - приближенные особы самого императора.

Долго ли, коротко ли, добрался наш автопробег до первого городишка. Там благовест ударили, начальство и обыватель валом валит встречать государя.

Наконец, подъезжают. Выносят самодержцу на расшитом рушнике хлеб-соль, а на расписном подносе - водки русской чару в пол-литра, не меньше.

Царь чару принял да забыл, что он не Петр, вовсе, и опрокинул ее махом. И закрутило, и завертело самодержца. Пошел царь по рукам, всяк норовит с государем пропустить стаканчик-другой. Не помнит державный, как в заросли лопухов закатился и чувство потерял.

Свита хмельная пропажи не заметила и укатила автопробегом сама-набольша.

Потом по деревням стали слухи ходить о чудном видении: будто то утром ранним, то вечером поздним замечали пробиравшегося украдкой самого императора царя Петра! И будто бы бабка Марфа из Замошья самолично отпаивала самодержца молоком. Не отсюда ли пошла молва, что не далее нынешнего лета быть на Руси воцарению?

ЦЫГАНСКИЙ ПЕГАС

В последнее время на Соборную горку к памятнику Батюшкову повадилась приходить гнедая цыганская лошадь - приземистая, мослатая, из породы тяжеловозов.

Лошадь поднималась на гранитную площадку и становилась рядом с памятником, принимая то же положение, что и бронзовая лошадь Батюшкова. И даже правую заднюю ногу она отставляла назад, повторяя позу крылатого коня.

С московскими гостями пришли мы на Соборную горку к памятнику поэту. Один из них взял в правую руку зонт, в левую короткий повод цыганской лошади, и получилась живая копия клыковской скульптурной композиции.

Желающих запечатлеть себя в подобном виде нашлось немало. И все это время тяжеловозный Пегас стоял недвижно, словно изваяние.

Я подумал, что, наверное, и животные подвержены человеческим порокам: может быть, у этой лошади развилась мания величия?

Но, скорее всего, она просто потакала человеческому тщеславию.

НЕ РЕМЕСЛО...

Писать о пьянстве как о некоем русском молодечестве и удали в наше нетрезвое время - дело не патриотическое. Но русский человек любит приукрасить, прибавить, облечь самую заурядную попойку в этакую сюжетную романтическую раму, так что, читая эти истории, нужно взять соответствующие коррективы и воспринимать их как антиалкогольную пропаганду.

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Эту историю поведал мне в порыве откровения вологодский художник, в большие мастера не вышедший, но, без сомнения, талантливый, а как человек - добрый, мягкий и, к большому сожалению, временами подверженный нападкам зеленого змия. Случились как-то у него со товарищи деньги, шабашку сшибли, то ли оформили красный уголок, то ли Доску передовиков. По этому поводу организован был небольшой сабантуй, затянувшийся, однако, до глубокой ночи. Программа его была исчерпана, все тосты сказаны, сестрам воздано было по серьгам, а присутствующие убедились в чувстве глубокого уважения друг к другу. Но водка все не кончалась.

И тогда вспомнили товарищей, ушедших в мир иной.

- Вот, - жалостливо сказал кто-то, - мы

тут сидим, а ребята там непроведанные, непомянутые...

Тут как по команде загорелось у всех ехать на кладбище, поклониться могилкам, выпить на бугорке рюмку-другую.

Сказано - сделано. Такси схватили и - на Пошехонку. Последние деньги, последняя водка. И силы последние. Выпить-то выпили, но тут возле могил и полегли. Благо лето было, теплынь.

Просыпаются наши герои оттого, что кто-то настойчиво будит их. Продрали глаза - ничего понять не могут. Какие-то незнакомые люди, место какое-то непривычное.

- Вставайте, мужики, - говорят люди. - Вы спите, а уже копать пора.

- Чего копать? - не поняли наши товарищи.

А те, которые будили, достают из сумки бутылку, стакан, закуски какой-то:

- Вот, - говорят, - мужики, похмелитесь и - за работу.

Наши бутылку увидели, глаза загорелись. Как отказаться? В ту пору в Вологде бутылку достать, да с утра - это все равно, что звезду с неба ухватить.

Похмелились.

- Чего там копать? Ведите. - Так могилу и выкопали. Магарыч им изрядный перепал. Выкопали другую - тоже не за так. Короче говоря, к вечеру все трое были в таком же состоянии, как и накануне.

Утром опять будят.

- Вставайте, мужики, копать пора.

... Прошел месяц. На работе художника обыскались. Потом молва доносит:

- Видели, мол, вашего художника. На кладбище могилы копает. С такими-то руками, талантом... Довели мужика!

Начальство на кладбище снаряжает машину да пару сотрудников. Взяли художника, за-сунули в машину, повезли отпаривать, отпавивать, откармливать...

Потом, когда уже помытый, побритый, приведенный в рабочий вид, прибыл он на службу, друзья-коллеги обступили с расспросами.

- А вот что я вам замечу, - ответил художник. - Никогда так хорошо я не жил. На какой еще, скажите, работе тебе опох-мелку с закуской в постель подадут?..

ОЧЕВИДНОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ

Один поэт из малых народностей издал плановую книжку в московском престижном издательстве и получил солидный гонорар. По случаю этого радостного события он решил устроить своим друзьям сюрприз: трех-дневное путешествие по родной реке Оби на комфортабельном теплоходе.

... Поднялись они по трапу на борт и, не заходя в каюты, отправились исследовать содержимое бара. А дальше все смешалось: день и ночь, вино и водка, лица знакомые и чужие, разговоры, объятия, объяснения...

Очнулся поэт в шезлонге на носу теплохода. Рядом валялся пустой дипломат, вокруг

ходили какие-то праздные люди.

Начал он постепенно приходить в чувство и замечает некую странность: и теплоход вроде бы не тот, да и берега совсем не похожи на обские.

- Что за река? - спросил он проходящего пассажира.

- Дунай, - удивился тот.

ЗАСТОЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА

В застольные времена, которые, как оказывается теперь, были не такими уж и застойными, была такая мода направлять на ударные стройки агитпоезда ЦК комсомола. Ехали комсомольские функционеры, какой-нибудь ансамбль песни и пляски, лектор, бригада убеленных сединами ветеранов и непременно комсомольский поэт М., который тоже был далеко не комсомольского возраста.

Приехал такой поезд и на строительство пятой домны в Череповец. Встретились с руководством стройки, со строителями, прочитали лекции, провели встречи и митинги, выпустили молнии и боевые листки, концерт дали, а дальше, как обычно, значился банкет для гостей и хозяев.

Огромный стол с закусками и винами. Горячие тосты, задорные песни, но не прошло и часа, а банкет начал перерастать в заурядную попойку. И тогда ответорганизатор из ЦК, пытаясь придать значимость и смысл застолью, стал выкликать на помощь комсо-

мольского седеющего поэта, который спал к тому времени головой в салате.

Поэта разбудили, и бодрящийся ответорганитор патетически попросил:

- А нельзя ли, дорогой товарищ, прямо вот сейчас экспромт про нашу боевую кипучую комсомольскую молодость?

Минутку, - попросил поэт. Публика приумолкла. А через минуту комсомольский поэт с выражением, во весь голос, прочел:

- Раскатились банки и склянки.

Я на стол навалился (простите, но из песни слова не выкинешь), блюя.

Бесконечные пьянки, гулянки...

Комсомольская юность моя!

ЛОШАДИНЫЕ МЕРЫ

В нашем райпотребсоюзе возчики не задерживались. Какая-то особенность была у наших возчиков - выпить любили. Да и крепко. А долго ли до беды? Ведь материально ответственные лица!

Сколько наш председатель приказов ни писал, сколько выговоров ни вывешивал - пьют без пальца. Ни сладу тебе, ни управы. Только одного выгонит, как тут же новый за старое принимается.

Стал наш председатель прибегать к услугам милиции.

Звонит: «Не заберете ли у меня в вырезатель возчика. спит во дворе на телеге».

Милиция приехала, походили вокруг, а тащить возчика в машину поленились. Взяли под уздцы лошадь и прямо к воротам вытрезвителя в телеге доставили забубенную головушку.

Возчик наш в вытрезвителе отоспался, в протоколе расписался и опять на трудовой фронт - на телегу.

На следующий день та же история - председатель вытрезвитель вызывает, те на телеге возчика в свои апартаменты доставляют, протрезвляют, штрафуют...

А дальше начались чудеса. Только возчик, он же по совместительству грузчик, лишний стакан опрокинет, где бы то ни было, только на телеге прикорнет, как лошадь его прямоком в вытрезвитель везет, и надо сказать, так мало-помалу воспитала трезвые кадры. По крайней мере, все последующие возчики пить на работе не решались.

УХА ИЗ БЕЛОГОЛОВОЙ

Отдыхал я недавно в деревне на Сухонереке. Поутру пошел прогуляться на берег.

От реки в гору поднимался мужик с веслами на плече.

В руке у него увесисто болталась кошелка.

- С рыбалки? - приветливо поинтересовался я.

- Верши вон проверил, - охотно отозвался

мужик.

- Попало? - кивнул я на кошелку.

- Рыбы так нет, - отвечал мужик. - Две пол-литры вон сунулись.

В кошелке его сыто булькнуло.

- В вершу?

- Да... Две бутылки «Столичной».

- Не может быть! - удивился я.

- Погляди, коль не веришь. - Он вытащил за горло поллитровку. Мне показалось, что по-рыбьи бутылка дернулась в его руке.

- В вершу-то не так хорошо попадает. Лучше на самодур. Да на самодур опасно. Рыбинспекция шалит. По весне наметом ловим. Только лед пройдет, как у нее ход начинаст-ся.

- У кого ход? - обалдело переспросил я.

- Так вот у ее, родимой, - тряхнул мужик в руке поллитровкой.

- Хошь выпить-то? У меня и стакан есть. И закусь.

Пораженный, я не сопротивлялся. Присели на берег, выпили по граненому.

- Вот я и говорю, - утерев рукавом рот, довольно заговорил рыбак. - По весне наметом сразу ящик зацепили. Всей деревней гуляли. К осени, как вода спадет, тоже хорошо попадает. Грех обижаться-то!

Он снова налил.

- Ежели взять еще годов пять назад, так оно не очень-то хорошо ловилось. И только в рабочее время - с 11 до 7. А теперь наплодилось ее... белоголовой. Круглосуточно ловится.

Выпили еще. В животе у меня приятно разливалось тепло, будто похлебал я с пылу, с жару стерляжьей ухи. А в затуманенном мозгу рисовались радужные картины: работники ликеро-водочной фирмы «Вагрон» зарыбляют мальком Вологду. Сотни, тысячи юрких белоголовых спускаются в Сухону, набирая вес, пока потучневший косяк не достигнет рыбачьих снастей.

БЕРЛОГА С УДОБСТВАМИ

Опять про времена всеобщего глубокого удовлетворения вспоминается. У моего приятеля приятель есть. Так у того, последнего, батяка был егерем долгие годы. Так вот этот егерь и есть главный герой и виновник этой истории.

Как было раньше? Думаю, что и теперь так, но про нынешнее нам потом расскажут, так что сегодня самый резон прошлое поминать критически. Такие мемуары нынешнее начальство любит и одобряет. Так вот про то, что было раньше.

Надо, скажем, районному руководству какое серьезное дело спроворить - либо дорожку за счет госбюджета, больницу ли, либо еще в чем нужда есть - считай, в этом районном лесу какой-то косолапый ради общего дела, а может, и карьеры чьей, должен собственной шкурой поплатиться.

Чтобы его, ни в чем неповинного, подняли среди зимы из берлоги и подставили сонного под ствол, скажем, областного или, пуще того, московского начальства.

Тогда, считай, дело твое решенное.

И вот однажды по такому серьезному поводу обращаются к этому самому егерю из райкома: мол, так и так, дело политическое, для района наиважнейшее: нужна берлога. Да не где-нибудь у черта на куличках, а такая... благоустроенная, с подъездом.

Егерь наш в затылке поскреб, да делать нечего - отправился по лесам да борам медвежью охоту шукать. И надо сразу сказать, повезло. Нашел берлогу почти у поля, два шага от дороги, под еловым выскирем - сугроб, в сугробе проталина, и парок идет.

Через недельку наведался - все спокойно. Сугроб еще круче, проталинка на месте - спит, значит, мишка крепко.

А дальше уж - сигнал до райкома, до обкома и выше. Подготовка у высоких охотников пошла полным ходом. Шомполами стволы дряют, пули проверяют, амуницию готовят, коньяками да охотничьими колбасками запасаются.

В назначенное утро подкатывают вороные «Волги» да вездеходы - «узики» к полю, пыжиковые шапки по номерам встают, кроличьи издали наблюдают, а егерю, что с шестом наизготовке, сигналият: «Давай!»

Тот в чело сугроба шест сунул и - в сторону! Ждут: вот выскочит, вот зарывкает - стволы от напряжения и волнения ходуном хо-

дят. А он - молчит. Ни звука.

Снова егерю сигналият: «Буди!». Тот шестом что есть мочи ворочает - мертвый проснется. Тишина.

- Да что он там, помер что ли? - кричат.

Дело непонятное, неслыханное. Может, и впрямь был старенький мишка да преставился только.

Крикнули водил с лопатами. Сначала с опаской копали, потом пошустрей начали, осмелели - не чуть медведя. Весь сугроб перекидали, и получается тут, братцы мои, картина, достойная кисти большого мастера.

Откопали они большую кучу навоза. С осени еще пьяный тракторист забурился в

лесок да опрокинул телегу с навозом под выскирем - не выехать было. Вот и прел он, навоз-то, под снегом. Чего с пьяного спросишь?

А уж с трезвых-то, полагаю, спросили круто. И поделом.

«РУСИШ ЭКЗОТИК»

Гостили в Вологде немецкие коллеги - социальные работники. День на третий приступились ко мне: покажи правду жизни вологодского «дна».

Я решил их для начала отвезти на ночной «бан», познакомить с привокзальными бичами, показать торговлю из-под полы и, если случится, - девиц легкого поведения.

Больше всего взволновала коллег проблема «ночных бабочек»: часто ли они проверяются у венерологов, имеют ли соответствующую лицензию у властей, кто это все контролирует?

- Не было печали, - подумал я с тоской. - Вот начнут они с такими вопросами приставать к привокзальным девицам, и что из этого всего может получиться - одному богу известно...

Остановились. Немцы первыми вылезли из машины, а я подзамешкался. Выхожу и вижу - гостей моих окружили со всех сторон толстые торговки в полушалках, полушубках, валенках с калошами (холодная была ночь).

Дергают за рукава и галдят что есть мочи:

- Водка нада? Пива нада?

Один из гостей, представлявший крупнейшие немецкие газеты, ворочался медведем и удовлетворенно восклицал:

- О-о, русиш экзотик проституцион!

БИЗНЕС В НАТУРЕ

Жара несусветная. В тесных каменных улочках Великого Устюга, как в сауне. Иду на официальную встречу в костюме и галстук.

Прямо на тротуаре стоит тонконогий стол, на нем коробка с раскисшим мороженым, тут же у стены три продавца банкуют бутылку водки. Судя по наколкам и самодельным ран-долевым фикса́м под золото - вчерашние клиенты ЛТП, ударившиеся в бизнес.

- Эй, ты, фраер! - кричит один, завидев меня. - Купи, бля, мороженое.

- Чо, в натуре, - вторит другой - на галстук деньги есть, а на мороженое не хватает?..

Белый молочный ручеек, набирая силу, сбегает к изнывающей под солнцем Сухоне.

ТРАГЕДИЯ НА ПЯТАКЕ

И в исправительно-трудовых лагерях - безработица. Теперь здесь можно спать до обеда, а с обеда смотреть до одури телесериалы типа «Санта-Барбары» или «Просто Марии».

Один из заключенных Белозерской тюрьмы особого режима, в народе - пятака, поклонник классической литературы, обличая обывательские вкусы сотоварищей по зоне, рассказывал мне:

- Как-то вечером встречаю одного. Вор-рецидивист, грабитель и насильник, тридцать лет отсидки - печать ставить некуда, родную бабушку зарежет, не моргнув, а тут - весь не в себе. На глазах слезы.

- Что стряслось?

- А ты что, Петя, разве не знаешь?

- Уж не тюрьму ли закрывают?

- Да что там, тюрьма! - говорит. - Лаура ведь умерла!

ПО-УСТНОМУ

- Что за деревня? - спросили мы по дороге к Сондугскому озеру пожилого мужичка с почтовой сумкой на груди.

- А это еще как посмотреть, - отвечал тот. - Вот ежели, скажем, письмо сюда направлять, то надо писать Захаровская. А по-настоящему называется она Заречьем. Вон та,

следующая, пишется у нас Марьинским, а зовется Шильниковым, еще подалее будет Степановская - это по-письменному, а по-устному - Талашово, там вон на взгорке - деревня по названью Кузнецово, пишется Илюхиным. Ну, и у самого озера будет деревня Конец, по-письменному - Никитинская.

Что за притча? - удивлялись мы.

- Да так вот повелось... - развел он руками.

- А фамилия ваша как? - спросил я.

- Николай Васильевич Кичигин...

- Это по-письменному? А как будет по-устному?

- Ну вот, - крикнул мужичок. - Все-то вам и скажи...

В соседней деревне я узнал, как зовут Николая Васильевича и по-устному. Но не скажу.

ГЕНЕРАЛ ИЗ ДУРАКОВА

Пословица молвит: хоть горшком назови, только в печь не ставь. Да вот не каждому нравится в «горшках» ходить. Была в наших краях деревня с названием Дураково. Раньше как-то никто и внимания не обращал: ну, Дураково и Дураково. Ведь совсем не обязательно, скажем, чтобы в Стариках одни старики жили, а в Молодках - одни молодухи, так и в Дуракове, чтобы одни дураки плоди-

лись. Тем более, если покопаться в не столь давней истории, то есть чем и погордиться. Вышли из Дуракова три генерала, два кандидата и один доктор наук, секретарь обкома один. А сколько тут наплодилось начальства на уровне районного подчинения, так вовсе не счеть.

Так что причин особых для переживания не было. Но до поры, до времени. Выбрали как-то нового председателя сельского Совета, и только он приступил к исполнению своих обязанностей, как тут же стал впадать в сомнения. Печать поставит, а на печати: «Дураковский сельский Совет народных депутатов». Вроде бы, не совсем пристойно звучит, и для народной власти обидно. Опять же в район поедет, а там секретарша в приемной: «Иван Иванович, Петров из Дуракова к вам». Ну скажите, кому это понравится?

Короче говоря, на ближайшей сессии сельского Совета было решено просить Верховный Совет республики навсегда избавить деревню от позорного пережитка прошлого. Новое название деревни обсуждали общим собранием. Какие просторы и возможности открывались: твори, выдумывай, пробуй!

Спорили до посинения. День спорили, вечер спорили, ночи изрядно прихватили. Осипли, охрипли, устали, как на лесоповале. Под утро отбили в Верховный Совет телеграмму: «Просим в дальнейшем бывшую деревню Дураково именовать Дубками».

«КАЧАЛА ПУЙНЫЙ КОЛОФА...»

Обследуя переданное властями города под организацию ночлежного дома здание, я нашел в кладовой низкий кирпичный свод, а точнее, лаз в какое-то загадочное помещение, забитое доверху всевозможной рухлядью, накопленной за многие лета. Здание-то было построено в 1777 году!

Я подумал, что хорошо было бы очистить это помещение и найти ему какое-либо применение. Но кто поднимется в наше время на такой Гераклов подвиг безвозмездно? Денег-то нет.

Еще я подумал, что этот таинственный лаз мог оказаться дверью в подземный переход к Софийскому собору. Какие секреты мог хранить он! Может быть, там библиотека Ивана Грозного? Или золото Москвы, спрятанное во времена нашествия Наполеона? Да мало ли вообще каких кладов оставили нам предки!

Не успел я поделиться своими предположениями с товарищами, как тут же они загорелись идеей разработать эти Авгиевы конюшни. На следующий день с утра пораньше принялись за дело. Выкинули ржавые ведра, драные сапоги, пустые бутылки, консервные банки и наткнулись на архивные документы печально знаменитого 1937 года.

Возчик военторга №... Никифоров П. Н. на пожелтевших, тронутых тленом листах корявым почерком давал подписку «о нераз-

глашении военной тайны при перевозке махорки как особо стратегического материала для личного состава подразделений».

Далее следовали отчеты о проводке махорки по означенным подразделениям и копии докладов руководства о благонадежности сотрудников.

Потом снова пошли истлевшие рваные сапоги, выброшенные алюминиевые миски, попался женский сапжок с берестяной прокладкой, остатки стульев, обрывки плакатов, битый чернильный прибор... Подземного перехода все не было. И тут...

В слабеющем свете электрического фонарика на штыке лопаты мертвенно забелел обломок кости.

- Жертвы Чека! - глухо сказал кто-то. - Что делали, костоломы!

- Точно, - подтвердил другой. - Должно быть, тут был зарыт застреленный после пыток возчик Никифоров.

Кость осторожно опустили в пакет и с душевным трепетом принялись копать дальше. Новый обломок кости, другой, третий... Через полчаса большой целлофановый мешок доверху наполнен изжелтевшими костями, позвонками, ребрами. Вынесли содержимое на Божий свет. Где-то в соседнем дворе жутко завывала собака, замигало электричество, а в глубине ночлежки странными трелями отзывался телефон.

- Это астральное тело возчика Никифорова возвращается к своим останкам и пытается вновь обрести материальную свою сущ-

ность, - предупредил самый осведомленный в этих вещах. - Смотрите, оно может все-литься в каждого из нас.

Стало невыносимо тихо.

- Нужно еще найти череп, - наконец сказал специалист по астральным телам. - Без черепа нет полной картины.

Мы вновь опустились в сырость и темень подвала. Еще через полчаса вынесли на белый свет и череп... Долго рассматривали его, тупо склонив головы. У черепа оказался всего один рог. Второй куда-то пропал.

Спустя время «спец» сказал:

- А нет ли где еще каких интересных мест? Покопаем...

Я обещал дать объявление в газете:

«Предлагаем услуги по очистке подвалов от хлама».

... Ночью приснилось мне астральное тело возчика Никифорова. Оно сидело на передке дровней, груженных особо стратегической махоркой, в тулупе, валенках, больших рукавицах, и распевало пьяным голосом, как и положено немецкому шпиону, русскую народную песню с ужасным акцентом:

*«Фот мчится тройка почтофая
По Фольке-матушке река.
Ямчик, уныло напэфая,
Качала пуйный колофа...»*

КУРИНЫЙ БИЗНЕС

Двое хороших моих знакомых, из тех, что в свое время разъехались по городам от колхозной жизни, заработав на Севере пенсия, вернулись в родную деревню, чтобы стать в соответствии с новыми веяниями вольными хлебопашцами. По-научному, фермерами.

Поначалу дело было поставлено на широкую ногу. Их почин поддержал сельсовет, сессия районного Совета. Напечатали об этом громогласно в газете. И все говорили о новых перспективных формах хозяйствования, поиске новых путей. Правда, кроме слов, братьям фермерам ничего дать не могли. Но те тоже не лыком шиты и запросили материально-техническое обеспечение водкой, которую в ту пору достать было под силу лишь сессии районного Совета. Выделили им по два ящика водки. Благодаря этому продвинулись у них дела в строительстве, и даже пашню перепахал тракторист за две пол-литры. Старший брат насеял по ней из лукошка овса - мать научила, как семя разбрасывать. Осенью скошил урожай косой. Два мешка высеял, два мешка собрал вместе с половой. Потом приходит к младшему и заводит такие речи:

- Теперь, - говорит, - я знаю, как деньги зарабатывать. Самое выгодное - куриц держать.

Тот глаза вытаращил: «Одумайся!»

- Ничего ты в бизнесе не смыслишь, - отвечает старшой. - Мы с женой подсчитывали: сто кур - сто яиц в день. А почему нынче яйца? Вот и прикидывай! Да и овес у меня свой!

И вот в самом скором времени приехала машина с курами. Народ со всей деревни сбежался: с тех пор, как птицефабрику настроили, забыли, как и курица живая выглядит.

Десять клеток по десять кур несушек выгрузили, составили во дворе нашего фермера, машина нагадила перегаром в проулке и укатила в городском направлении.

Запахивал гордо наш новоиспеченный куровод в заулке, пересчитывая поголовье. Брат не выдержал:

- Ты, Петро, мне десяток курей уступи!

Соседка пяток попросила, другая...

- Нет уж, - отрезал старший, - я вам яйцами продавать буду!

А через два дня подчистили куры-несушки заготовленный впрок овес и стали уши самому хозяину подъедать. Тот все запасы, лари и сусеки до синь пороху вымел, по соседям забегал, кур предлагал. Те отказываются:

- Уж лучше в магазине в решетках купим.

А дальше вся деревня наблюдает такую картину: рубит наш куровод несушкам головы, супруга его перо щиплет, пух по всему двору летит. Варят они этих кур в большом котле, едят да давятся. На всю жизнь наелись. А вот десяток все-таки осилить не смогли, оставили для несения яиц.

Где-то через полгода приходит брат-куро-вод к младшему, еще не определившему специализацию своего фермерского хозяйства, и говорит:

- Подскажи, почему мои куры до сих пор яиц не несут?

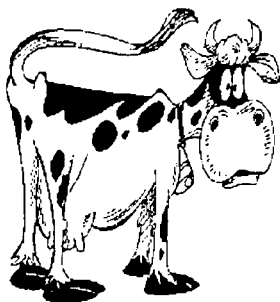
Мать, старая крестьянка, подает голос из-за печи:

- Чтобы они неслись, надо их кажинный день творогом кормить.

- А творог где взять?

- Надо корову заводить.

- С коровой хлопот больно много, - возразил его младший брат-фермер, - да и сена у тебя всего копна. Ты лучше вот чего сделай: купи в магазине яиц да вареными рублеными яйцами их корми. Тогда они у тебя всенепременно нестись будут!

НА ФРОНТЕ НАРОБРАЗА

Один мой знакомый решил установить рекорд трезвости. По его расчетам нужно было не пить тридцать один день. Тяжело, конечно, но слава дороже.

Не пьет. День, два, неделю. Вторую крепится. Собака по нему уж, как по покойнику, вост. На третью завернуло. Денег - полные карманы, девать некуда. И так двадцать девять дней.

- Ты, жена - говорит, - совсем положительным стал. Иди-ка на родительское собрание.

Пошел. Два часа слушал докладчика о школьных бедах, потом возьми да и спроси его:

- Как формируется бюджет просвещения?

Отвечает:

- Из налогов на продажу водки.

Вышел мой товарищ на улицу и думает: какой же это он урон за двадцать девять дней воздержания нанес народному просвещению. Стыдно. Пошел в ресторан прямой наводкой.

- Сколько, - спрашивает там официантку, - может стоять школьная парта?

Та удивилась.

- Мне водки под парту и закуски сверху...

Встретил я его на тридцатый день несостоявшегося побития рекорда. Опухший и небритый, он поймал меня за лацкан пиджака и гордо сказал:

- Я за вчерашний вечер в ресторане хороший классный кабинет обставил. Так что,

если завтра ты меня в канаве найдешь, то рядом надо пионерский пост поставить с барабаном и горном. И табличку такую переносную установить: «Здесь спит отличник народного просвещения».

КУКАРАЧА

Как-то раз, еще во славные времена застоя, отправили из Вологды несколько молодых и крепких парней в дальний медвежий угол убирать картошку.

Собирались они основательно, нагружая рюкзаки консервами, пакетами с супами, и, конечно же, водкой.

То ли дело в деревенской глуши пропустить после трудового дня на свежем воздухе стаканчик!

Долго летели они на «кукурузнике», потом тряслись на машине, ехали на тракторе, на телеге и забрались в такую глухомань, что, наконец, решили: все, край света.

Но и на краю света жили люди. В одной малюсенькой деревушке выгрузили их у крайней к лесу избушке, которой только что курьих ног не доставало. Крылечко напоминало скворечный леток, крыша набекрень съехала, окошки в землю смотрелись.

- Вот здесь, у бабки Аглаи и устройтесь, - сказал им возница и тут же отбыл в обратном направлении.

Согнувшись в три погибели, наши герои

шумно ввалились в избу. В красном углу сидела бабка - божий одуванчик - с седыми, словно пух, волосами и ласково смотрела на пришельцев.

- Здорово, бабуся! - покровительственно гаркнули вологжане.

- Здорово, фраера! - насмешливо отвечала из угла бабка.

Повисла конфузливая тишина. Однако молодцы быстро оправались и принялись выгружать на стол банки и бутылки. Расселись, пустили «змия» по кругу.

- А что, бабушка, тяпнешь за компанию? - спросил кто-то.

- А наливай себе да мне, - бойко пропела Аглая.

Выпили. «Божий одуванчик»хватила стакан и не крякнула. По второму пошли. И тут старая не уступила. По третьему... Дело уж до песен дошло. И тут бабуся хватъ за рукав самого молодого и - на чердак. Через пять минут тащат с потолка пыльный патефон с пластинкой. Одной-единственной. Бабуля иглу о припечек поточила, пружину покрутила - поехали...

- А кукарача, а кукарача...

Все, кто в избе был, в пляс пошли. И бабка Аглая с ними.

- А кукарача, а кукарача...

Только пыль столбом, да изба ходуном. Тотто веселье!

Ночь прокатила, день пролетел... Как-то очнулись молодцы - свет не мил. Головы трещат, водка кончилась, есть нечего. Бабка

Аглая ходит, командует:

- А ну, фраера, живо на поле! Картошку в мешки набирайте. А я мигом.

Набрали с грехом пополам с десятков мешков. А тут и «божий одуванчик» катит на лошади.

- Грузите, - кричит. - Да поживее.

Покидали мешки. Бабка свистнула, гикнула и - ходу.

Около обеда, видят, обратно едет. С песнями. И сетка водки в руке.

И опять началось. День да ночь - сутки прочь.

- А кукарача, а кукарача...

Опомнились, когда уж обратно в город пора приспела. Ни в поле палец о палец не ударили, ни денег в кармане на обратную дорогу. Отбили на остатки телеграмму, дождались перевода и - пешком по увалам.

На центральной усадьбе сунулись было у председателя машину просить.

- И видеть вас не хочу, - заревел тот медведем. - Работнички...

Те в свою очередь обиделись, в контратаку пошли.

- А вы куда нас поселили? Ничего себе у вас по деревням бабки! Это не бабуся, а чистая баба Яга. Так уходила, что еле живы.

Председатель вдруг помягчел, поскреб в затылке:

- Аглая-то? - сказал он с некоей долей удовлетворения. - Так ее в тридцатые годы из Москвы за аморальное поведение выслали. На перевоспитание. Одно слово - Кукарача.

ДВОЙНОЙ ОКЛАД

Мой брат большой оригинал. Получил однажды зарплату - 62 рубля 90 копеек. Вздохнул. Шестьдесят рублей в один карман положил, а мелочь себе на папиросы оставил.

Вечером протягивает жене получку. Та пересчитала. Смотрит подозрительно.

- Всего шестьдесят? Я ведомость смотрела, там больше было.

Брат мой, ни слова не говоря, взял эти несчастные десятки, разорвал пополам.

- На, - говорит жене, - получи сто двадцать!

СВОИМ ДОМОМ

На реке Славянке есть заброшенная деревушка. Десяток пустых домов и всего два жилых.

Ни летом, ни зимой дорог сюда нет. Лишь весной в самую водополицу пробирается на моторной лодке председатель местного сельпо - «он у нас радимый», завозит «на разу» макароны, муку, соль, сахар, спички.

В одном краю деревни живет старик, в другом - старуха-вековуха. Давно живут, давно вдовы. Казалось бы, что ни жить вместе, дров меньше идет, хозяйство легче вести, веселее. А вот каждый сам по себе...

КИРИЛЛОВСКАЯ

Кирилловские гармони славятся и по сей день, хотя еще в пятидесятые годы гармонный промысел на Вологодчине был разгромлен самым настоящим образом. Фабрика сожжена, мастера разогнаны, кустари обложены огромными налогами.

Добыть в ту пору кирилловскую гармонию было делом чрезвычайно трудным.

- Цены нет! - Старый гармонист Виктор Рассказов достает из своей гармонной коллекции самую неказистую.

- Пришел из армии, надо жениться. А как без гармони женишься. А чтобы хорошо жениться, нужна кирилловская. И пошел я пешком в Кириллов. Это километров сто вдоль Шексны лесами да болотами. Все взбудил. Нету гармоней. Мастеров при одном упоминании в дрожь бросает. Делать нечего, надо, не солоно хлебавши, оглобли поворачивать.

Иду. Темнеть начало. В одной деревне захожу в крайний дом. Сидит мужик на лавке.

- Ночевать можно?

- Ночуй.

А гляжу, на комод под накидкой гармонию.

- Играешь?

- Нет.

- Дай сыграть!

Взял ее: «Мать честная! Вот она!» Из рук не могу выпустить.

- Продай!

- Нет, что ты! - поднялся.

Я в магазин. Беру три бутылки. Сели, выпили.

Я играю, он пляшет. Одну уговорили.

- Продай!

- И не проси!

Вторую осушили.

- Продай!

- Не могу!

Пошли на третью.

- Продай!

- Ладно. Давай четыреста. И уходи. Скорей. Не то баба моя с фермы придет, отберет обратно.

Я гармонь под мышку и бегом. Километров десять рысью отмахал. Дальше леса да болота пошли. Развернул меха и - с песнями.

Ночью слышу, кто-то сзади на лошади едет. Догоняет молодуха. Поглядела на меня внимательно.

- Давно, - говорит, - сзади еду. Добро играешь. Садись, что ли.

Забрался я на телегу, подсел к ней на грядку, развел меха. Я играю, она поет.

Утром уже спрашиваю:

- А ты куда едешь-то?

- Да вот, - говорит, - хотела тебя догнать да гармонь забрать тятину. Да больно хорошо играешь, заслушалась.

Рассказов замолчал, погладил гармонь и пустил сверху вниз лихой перебор.

- Вот она, голубушка!

- Ну, а хозяйка ее, уехала?

- Ну-у... Вон она за самоваром сидит. От

кирилловской гармонии еще ни одна не уходила.

В ПРИМАКАХ

Нет хуже для мужика, чем примачество. Ни кола, ни двора своего - все женино да тещино. Взвоешь волком от такой жизни да забежишься на край света - только бы не достали, не возвратили назад.

Ехал я как-то в поезде с одним мужичком. Тот как раз в примаках у тещи жил, а потом так случилось, что оказался в примаках у жены. Правда, мужичок - неунываха, «завей горе веревочкой». Рассказывает про житье-бытье и смеется так, как будто это и не жизнь вовсе, а сплошная потеха.

Как-то в тещином доме проснулся он с тяжелого похмелья. И как на грех, - дома никого, а в серванте, на самом видном месте, - непочатая бутылка водки. Это теща специально ее выставила, чтобы дорогой зять помучился. А взять - что змею поцеловать. Как быть? Маялся, маялся, да как говорится, на хитрого найдется еще хитрей. Взял он шприц медицинский, проколол аккуратно пробочку, накачал оттуда граммов сто - выпил. Походил-походил, еще приложился. Так за день всю и осушил бутылочку. А вместо водки закачал обратно воду.

Но это еще не вся хитрость. Нашел он около магазина свежую пробку, в карман, в

левый угол (заметьте) пристроил. И стал жить дальше. Тут недолгое время спустя приводит теща дорогого гостя - прокурора их городишка. Стол накрывает, стопки, вилки, бутылку...

Мужичок наш - неунываха - хозяином рядом пристраивается, на правах хозяина бутылку открывает и пробку - в карман. Прокурор мужик наблюдательный был: чего, говорит, это ты пробку в карман кладешь?

- Привычка, - отвечает. - Живу, как на конспиративной квартире.

И достает обратно, но уже другую пробочку, не проколотую.

Налили они по стопке. Прокурор первым хватил и смотрит на собутыльника. Мужичок тоже стопочку опрокинул и на прокурора смотрит.

- Вода? - спрашивает прокурор.

- Ей, богу, вода! - отвечает тот.

- Тут теща коршуном налетает:

- Как вода? - Выпила стопку и, ни слова не говоря, бутылку за горло - и в магазин. Через пять минут приносит целую.

- С моей тещей во всем городе никто не связывался. Как-то из Вологды приезжает и говорит: «Ну, и бабы там - чистые собаки. У магазина семеро накинудись, еле отлаялась.» Во какая зазуба была, - с гордостью сказал мужичок. - А жenuшка - вся в нее, может, еще чише. Ей квартиру от завода дали. Переехали мы, и решила она меня извести: в ЛТП либо тюрмень отправить.

Выпьем мы с мужиками на работе после

получки или еще по какому случаю. Прихожу домой - первое дело она волосы на себе рвать, лицо царапать, платье, халат без единой пуговицы оставит - и тут же в милицию: мол, приезжайте скорее - убивают. Соседей - в свидетели: все слышали, как она, бедная, белым лебедем кричала.

Так раза три устроила меня в вытрезвитель и на сутки, а я ее пальцем не тронул, словом худым не назвал. Совсем пропадаю. Участковый предупредил: еще один дебош - и прямым ходом на два года в профилакторий на нары. Как быть?

Случился тут какой-то серьезный повод. Выпил я малость. Только за порог, как крик, истерика, пуговицы с халата брызнули, стекло в дверях - вдребезги, и на телефон!

Я на кухне сижу, супу себе в тарелочку положил, слышу: тормоза скрипнули, дверцы хлопнули, шаги по лестнице: наряд идет. Вот уже у дверей, вот звонят.

- Все, - думаю, - мужик, приплыл ты. - А самому до чего обидно стало: без вины виноватый.

Схватил я со стола тарелку с супом и вылил его себе на голову.

А тут и милиция на пороге.

- Где, - говорят, - ваш дебошир?

- Там, на кухне, - кричит моя благоверная. - Изверг, садист!

Зашли милиционеры на кухню, а я там сижу. Капуста на ушах висит, в волосах морковь, и картошка за воротом.

Вижу, растерялись молодцы. Да ведь и они

тоже мужики, в них тоже мужская солидарность есть. Старший тут разворачивается - и моей супружнице зло так:

- Если, - говорит, - ты, подлая, еще раз на своего мужика поклеп устроишь, мы тебя самую на сутки упекем.

И ушли. А я вот остался да до сих пор и маюсь, - сказал мужичок - «завей горе веревочкой» и невесело засмеялся.

С БАЛАЛАЙКОЙ

Километрах в пяти от Молочного по левую сторону дороги на Кириллов есть маленькая деревня, названия которой, если по-честному, я не помню. Но дело-то не в деревне, не в названии, а в автобусной будке, у которой иногда останавливаются междугородные и пригородные автобусы. Вот как раз в этом месте и произошла история.

Однажды ранним туманным утром вышли к автобусной остановке, чтобы уехать в город, деревенские женщины. Ну, а чтобы было доходчивее, не в обиду будь сказано, - бабы. Поскольку понятие «женщина» - слишком общее. А баба - дело иное. Баба - это статья, это поступь, это мощь, это пудов пять, как минимум, каждая.

И вот стоят они на остановке, позевывая и поеживаясь от утреннего холодка, как тут

налстает ветерок и приподнимает занавесочку туманную. Видят товарки: сидит на противоположной стороне дороги самый настоящий медведь.

Трудно понять, но какая-то сверхъестественная сила в тот же миг вознесла наших баб на железную крышу автобусной будки. Вцепились они друг в дружку, дрожат от страха: что стоит ему, кровожадному, на крыше с ними расправиться.

Тут солнце проклюнулось, погнало туман по ложбинам, очистило перспективу. Вновь медведь на той стороне проявился. Большой, страшный, рукой подать.

Не сумели бабы от страха рассмотреть столь поразившее их видение, как тут автобус подкатил, дверьми пшикнул. Шофер на подножку выскочил:

- Е-е мое, бабы! Как вас на крышу-то угрозило вознестись?

Ни слова не говоря, тяжелыми фугасами на землю посыпались - и мигом в салон.

- Что случилось-то?! - шофер побледнел аж.

- Да ты слепой, видно! - кричат подруги. - Медведь вон на обочине. Газуй, пока цел.

А шофер за бока схватился.

- Сами вы курицы слепые. Не видите разве, у медведя балалайка в лапах.

И тут его такой смех одолел, что и ехать не может.

- Эту, - говорит, - скульптурную композицию третьего дня дорожники сюда завезли.

Велика сила искусства! Поставят где-нибудь в городе или селе гипсовую статую либо памятник кому - глядишь пройдет немного времени, и начинает это произведение вживаться в наши будни на правах действующего лица.

В том же Кириллове есть старинные торговые ряды, а за ними - небольшой сквер. В скверике - памятник первому маршалу Клименту Ефремовичу Ворошилову на постаменте. Купят мужики, бывало, поллитру в торговых рядах - и в сквер, пристроятся в ногах легендарного полководца, отдыхают. А Климент Ефремович в бинокль наблюдает - не едет ли где супостат в милицейском фургоне. И такая, право, идиллия получается, что невольная слеза умиления на глаза наворачивается. Не пойму только, кому помешал полководец? Темной ночью сдернули его с постамента и увези в неизвестном направлении. Правда, кое-кто из старожилов утверждает, что Ворошилов в леса партизанить подался.

...Однажды заехал я в болотную и лесную глухомань Нилосорской пустыни, где основатель идеи нестяжательства в православии Нил основал столетия назад убогонький монастырек. Там, где монахи плоть свою умерщвляли, духом возносясь, теперь интернат для душевнобольных.

Шагнул я за ворота монастыря и поразился. Посреди его, возвышаясь над стенами, стоял могучий памятник вождю пролетариата Владимиру Ильичу Ленину. В энергичном

порывистом движении устремлялся Ильич к противоположной стене, на которой висел огромный плакат: «Наша цель - коммунизм!». Было предобеденное время, и обитатели монастыря бродили в ожидании приема пищи у подножия Ильича, и блаженные улыбки блуждали на их лицах.

Было это еще до начала перестройки. А недавно заехал я вновь в этот монастырь. Все так же в порывистом движении возвышался посреди двора гипсовый Ильич, все так же в ожидании обеда толкались у его ног воспитанники.

В глубокой задумчивости покинул я монастырь, пытаюсь понять, где больше реальности: в стенах его или за стенами, где больше здравого смысла? Однако опасное это для ума занятие - думать над подобными парадоксами.

ГДЕ РАЙ ЗЕМНОЙ?

Поехал я как-то в Москву. Неделю там пробыл, чувствую - все, больше не могу. Шум, суета, толкотня. Содом и Гоморра. Ад крошечный. Еле дождался, когда в вагонном окне покажутся родные вологодские груды битого бетона, ржавого железа и болота меж путей.

Вышел на родимую улицу: господи, какая благодать! Тишина. Никто не толкнет, на ногу не наступит.

А через два дня пришлось ехать в Сямжу.

Там вообще чудо земное. Простор, а воздух - мед чистый. Из Сямжи - в Усть-реку, центральную усадьбу колхоза «Нива» поехал. Там тишина и покой меня совсем поразили. Слышно, как муха летит. А воздух! Нектар! Вот где рай-то истинный! Нужно мне было найти колхозного пастуха Николая Окатова.

- А он, - говорят, - на хуторе в Лодейке пасет. Езжай туда. - Пробрался в Лодейку. Вижу, сидит Николай на крыльце единственного жилого тут дома и, по лицу заметно, блаженствует. Подсел к нему, вдохнул всей грудью воздух, прислушался к тишине лугов, а Николай ласково так говорит:

- Люблю Лодейку! - и тут же, немного погодя, - а Усть-реку терпеть не могу: шум, суета, толкотня. И воздух - отравка! А в Лодейке... - Он аппетитно затащился сверхдорогим зарубежным табаком, что продают у нас сегодня по тыще за пачку.

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Было это еще во времена застоя. Прилетел я по газетным делам в один из восточных районов области, который в своем степенном, неторопливом развитии лет этак на двадцать отставал от районов центральных. Однако плодами цивилизации, как я убедился, здесь пользовались даже больше, чем их удачливые партнеры по соревнованию. Только что прошли здесь обычные для июля лив-

ни, дороги были размыты, и автобусы не ходили, даже гусеничный трактор не отважился пускаться в путь по глинистым проселкам. Местный аэропорт был битком набит отпускниками, приехавшими в родные края из городов. Люди сидели на чемоданах, рюкзаках, баулах, баках и ведрах для солевых...

Нужно мне было добраться до колхоза «Рассвет», что километрах в сорока от райцентра. Я купил в кассе билет стоимостью в один рубль и сел дожидаться авиалайнера. Вскоре с треском и грохотом из-за ближайшего перелеска вынырнул, дыша бензиновым перегаром, обшарпанный «кукурузник», и пассажиры валом повалили на посадку.

Народу набилось в жаркое железное чрево «кукурузника», как в городской автобус. Едва смогли протолкаться через толпу и горы ручной клади летчики в свою кабину. Вот самолет вырулил на взлетную площадку и тяжело побежал к лесу. Однако подняться не смог, развернулся и вновь предпринял попытку взлететь. Тщетно.

Распаренный штурман вывалился из кабины и хрипло прокричал:

- Перегруз! Человек шесть-семь с вещами на выход!

В салоне поднялся страшный гвалт. Выходить никто не желал.

- А почему именно мы! - кричали самые ближние к дверям. Давайте тянуть жребий!

Наконец, летчики не выдержали и объявили ультиматум: или лишние выходят или не

летим совсем. Кроме того, они обещали через полчаса вернуться и забрать остальных. Переспелыми грушами выпали на полосу лишние пассажиры. Самолет тяжело взмыл в воздух, оглашая окрестности страшным треском моторов.

Наконец, летим. Мир купается в солнце. Леса, луга, речушки, бурные от прошедших ливней. Через пять минут летчики запрашивают диспетчера пункта назначения:

- Вася, глянь, там у тебя на посадочной полосе коровы не пасутся?

Рация принимает раскаты дальних гроз, шипит, словно сырые дрова в печи, и вдруг откликается раздраженным хриплым голосом:

- Какие там (непечатное) коровы! У меня и посадочной полосы нет...

- Ты чего там такое несешь? - возмущаются летчики. - Куда она делась?

- Да вчера пришел пьяный бригадир, - отвечает, жалуясь, невидимый Вася, - выпили. Я ему и говорю, мол, доколе, Степаныч, твои коровы будут у меня на посадочной полосе пастись. Его и понесло. Какая такая твоя (непечатное) полоса. Тут у нас испокон веку пастбище было. И ушел. А сегодня прихожу - все перепахано.

Подлетаем к деревне. Летчики сделали круг над домиком с антенной. Рядом лежало свежевспаханное поле. И только полосатый чулок на шесте обозначал существовавшую здесь еще недавно посадочную полосу.

- Вот оглоеды (непечатное), - выругались летчики. Что сказали по этому поводу пас-

сажиры, описать трудно.

До колхоза я добирался пешком. Весело было идти в толпе нагруженных кладью отпускиников, от души проклинавших и бригадира, и бюрократию, и советскую власть.

А совсем недавно заглянул я в Вологодский аэропорт. Там, где на табло были обозначены рейсы в отдаленные районы области, зияли пустоты - летать стало невыгодно. Пешком же дойти дотуда было уже невозможно. И попросилось на язык непечатное слово.

ОТ ВИНТА!

Как-то в деревне под Кирилловым увидел я в заулке дома самый настоящий самолет. Правда, самодельный. Достал фотоаппарат. Пожилой, интеллигентного вида, мужичок пояснил:

- Да у нас в деревне чуть ли не у каждого дома по аероплану стоит. Без аероплана нам карачун. Магазин пятилетку как закрыли, фельдшерица сбежала, дорог нету... А тут, надо, скажем, в собес за справкой, либо со справкой куда, выгоняешь аппарат: «От винта!» - полчаса, и на месте.

Я удивился.

- Это еще что, - сказал мужичок. Вон у нас один умелец из кровати вездеход сделал. Даже в газете про него писали. А другой березовый трактор соорудил. Все у него бере-

зовое, окромя мотора. Благодать. Надо за-
пчасть - выточил из полена - и вся недолга.

- Ну и ну! - только и сказал я, а мужичок продолжал.

- Наш механизатор электронику, как орех, щелкает. Вот, скажем, вышел из строя цветной телевизор - берет ключи, отвертку, паяльник... Вечер поковыряется - показывает, как новый. А что делать? Мастеров к нам не дозовешься.

- Невероятно, - сказал я, - тут ведь надо схему уметь читать...

- А глаз у нашего мужика так пристрелямшись, - отвечал старик. - Ведь что делать, если образованные и ученые по городам сидят, деревню только по телевизору наблюдают.

Рассказал мне старик еще про одного умельца из Кириллова, грузчика сельпо Александра Павловича Спирина. Тот с двумя классами образования освоил философское наследие Канта и Гегеля и, исходя из постулата о познаваемости мира, сложил в своем доме печь, которая топилась вовсе без дыма. Абсолютно.

Действительно, познакомился я со Спириным, печку его всю обследовал - не идет дым из трубы. Написал о нем заметку - наука заинтересовалась. Трое ученых из НИИ поехали со мной к Спирину. Затопил Павлович печь, ученые мужи чердаки и подвалы проверили - нет дыма.

- Быть этого не может, - говорят. Как ни объяснял им Спирин конструкцию - не по-

нятно. Выпили бутылку, снова на чердак и в подвал полезли. Три пол-литра опорожнили да так и уехали ни с чем. До самой Вологды твердили: «Быть такого не может. Это не по науке».

Потом хотел я мастера вместе с его печью в кино заснять, да не успел. Умер мастер. А вот печи его остались. Дров берут мало, жара дают много, и дым из трубы по-прежнему не идет. Кто не верит, может к нам приезжать. Свою и все, как есть, покажу.

Вечер
на Галдарее

СТАРИКИ

Удивительные названия у наших деревенек. А у нас на Вологодчине, что ни горушка - то и деревушка, что ни гора - то село. Среди привычных Посадов, Погорелок, Починков встретишь неожиданно, на особинку, деревню Девять Изб. Или, например, деревню Чистая Баба. Хочешь - не хочешь, а ломаешь голову: кто, когда, по какому случаю дал ей такое название?

У нашей деревеньки название тоже не обыкновенное. Называется она Старики. В былое время славились наши Старики пригожими девушками, со всего края ездили к нам сваты, да и о стариковских ребятах тоже говорили с почтением: лихие да озорные были.

Правда, молодяжка сейчас постоянной прописки в деревне не имеет. Разъехались по большим стройкам да дымным городам. Так и доживают свой век в оставшихся Стариках старики да старухи.

По весне в выходные дни деревеньки наши мало-помалу оживают. На городских вокзалах и станциях суета. Едет городская молодежь, и те, кто уже успел состариться на асфальте, в городских стенах детей поднять и внуков нянчить.

- Куда?

- Как куда? Домой...

И я давно уже городской житель, и нет у меня в Стариках ни кола, ни двора, а все же пробираюсь то пешком, то трактором-почтовиком, то с лошадью хлебозки Музы домой, в деревню. И нет мне родней моих неперспективных Стариков, нет мне покойней пристанища.

НЕ ПОЛОЖЕНО!

В зелени и тепле плавится май. Ручьи, уставшие от паводкового разгула, чуть слышно звенят на перекатах, жаворонки колоколят над головой. Из сырых низин накатывают волны хмельных запахов талой земли и цветущих медово ив.

Добираюсь домой на перекладных. На старом Череповецком тракте подбирает колонна грузовиков, везущих в дальний Мусорский угол семена и удобрения. Однако радоваться еще рано. Скоро бетонка кончается, и колонна встает.

На границе с насыпной дорогой перекинут огромный, изо всего леса, осиновый шлагбаум. Из маленькой, сколоченной наспех будки вылезает старик в бродах, зеленой пограничной фуражке без кокарды.

- Не пушу! - решительно машет он руками. - Поворачивай!

Вот оно что! Дорога на распутицу закры-

та. Закрывают сельские проселки каждую весну, и каждую весну между дорожниками и шоферами идет упорная война.

- Покуражится да пропустит, - спокойно уверяет меня шофер и вылезает на обочину покурить.

Старик молчаливо оглядывает колонну, сдвигает на глаза фуражку, чешет седой затылок.

- Впустую, мужики, стоите. Сказано - не пушу!

Он поворачивается к будке и начинает обстоятельно пластать топором короткий чурбачок на дрова. Скоро над будкой занимаются кислотовато-горькие куржавчики дыма. Дед собирается чаевничать.

Уверенность у шоферов падает.

- Эй, батя! - кричит шофер головной машины. - Ты это кончай! Нам ехать надо.

- А ты, езжай - выглядывает старик из окошечка. - Только в обратную сторону. Через город езжай. Чай, своя дорога есть. А нашу-то есть кому и без вас бить.

- Да ты в уме, старый! Что нам, двести километров крюк делать? - начинают кипятиваться мужики.

- Мое дело маленькое.

- Да ведь посевная, бюрократ ты в ботах! Семена везем, понял?

- А ты, гражданин хороший, не кричи. Есть повыше начальство. Товарищ Бурышев строго-настрого наказал: без документов не пушай, - отвечает сторож.

- А это что? Филькина грамота? - шофер

потрясает потрепанным пропуском.

- А вот мы и посмотрим: Филькина, али товарища Бурышева.

- Старик лезет в карман за очками, долго шевелит губами, рассматривая бумаги.

- Не пушу! - наконец, все так же невозмутимо, говорит он. - Товарищ Бурышев наказал только с красной полосой пущать, а у тя - синяя. Не стой, батюшко, не стой!

- Ла-дно-о, - скрежещет зубами парень. - Ладно, старый пень. - Он со злостью пинает камень на обочине. Камень плюхается в канаву, пугая лягушек. Шофер кривит рот - зашиб палец. - Я тебя, старая кочерыжка, в будке запру. Будешь тут всю ночь куковать.

- Не выйдет, милый! - ласково возражает старик. - Лицо его покраснелось от чая и полно благодушия. - Я уж и нумерки ваши на гумажку списал. А то этта и в самом деле ваши, нет ли, мужики батожок к дверям приставили. Учен.

- Этак его не возьмешь, - говорит мой шофер. - Тут нужна дипломатия.

Он идет к мужикам на совещание. Солнце уже скатывается к вершинам леса, стряхнувшего зимнюю дремоту. Слышно, как под гулками сводами сосен бормочут косачи, и где-то далеко в просыхающих полях ровно гудят тракторы.

Мужики толпятся у будки.

- Постно кушаешь, батя. Пустой чай душу не греет. Пуншиком не балуешься?

- Не потребляю!

- Али старуха ругает?

- Я, милый, на службе не пью.

- Ой, ли. Поднести, может?

- Отказываюсь категорически. Ты меня на подкуп не бери. У меня самого старухе наказано в лавку сбегать. Кончу дело, гуляю смело.

Мой напарник возвращается, сердито падает на сиденье:

- В объезд не тронусь. Ночь просижу, а высижу. Всяко уйдет домой, либо уснет.

Тоскливая тишина надолго воцаряется на дороге. Лишь ошалевшие от любви лягухи, радостно и безмятежно славят и славят такой простой и справедливый мир.

- Эй, генерал! Подымай бревно, - совсем безнадежно окликает старика шофер передней машины, самый молодой и нетерпеливый.

- Не подумаю! - дед берет топор и принимается докалывать чурбачок.

Где-то в середине колонны раздается вдруг пронзительный визг. И вслед за ним крепкая ругань. Тут же визг повторяется, становится все яростнее и отчаяннее. Старик поднимает голову, прислушивается. Визжит поросенок. Ругается шофер. Еще утром купил он его на свинофабрике, везет домой. Поросяенок оголодал за день, бунтует.

Дед торопливо семенит к машине.

- Никак кабанчика купил? - спрашивает заинтересованно шофера.

- Купил! - огрызается тот. - Тебе что за забота?

- А как жо? Подохнет, чай. Деньги плаче-

ны. Ну-ка, покаж!

Он стаскивает мешковину с корзины, радостно сдерживая брыкающегося поросенка.

- Доб кабанчик, доб. Я этта сам из города привез, кабанчика-то. Еле-еле со старухой отходили. Оправился, не сглазить бы.

Он торопливо бежит к шлагбауму, распутывает узел веревки. Лесина, качнувшись, медленно ползет вверх.

- Езжайте, езжайте, мужики. Бог с ним, с Бурышевым. Доб кабанчик, доб!

Весело бегут машины по просыхающей дороге.

Еду, радуюсь, что засветло еще буду дома. И тоже весело повторяю: «А доб кабанчик! Доб.»

«ГАЛДАРЕЯ»

Города начинаются с вокзалов, деревни начинаются с околицы. У нас на околице стоит «галдарея», поэтому можно прямо сказать, что Старики начинаются именно с этих амбаров, где на свайных мостках, среди резных осиновых колонн обсуждаются все основные события: деревенские новости, международное положение, здесь собираются на бригадный наряд, здесь рядят пастуха на лето, а раньше по праздникам устраивали перепляс-«топотуху».

Правильно было бы назвать это сооружение галерей, да не любит язык инородных

слов, от своего корня, от слова галдеть и пошла «галдарея».

Строили ее еще при председателе Дронове, мужике из местных, головастом, ухватистом, любившем во всем, хоть и колхоз-то был с рукавицу, широкий размах.

С укрупнением перевели Дронова в другой колхоз, с боем переводили, не отпускали его колхозники, не принимали нового председателя. Потом слышали, что опять куда-то Дронова переводили, потом еще и еще... Так и потерялся след председателя, а «галдарея» вот осталась, как памятник тем бойким и веселым временам.

Других памятников ни один из новых председателей не оставил в Стариках. Обошли деревеньку стройки, комплекс животноводческий вымахал на Великом Селе, выгоревшем лет сто назад, мелиорация стороной прокатилась, срезав леса, от чего оказалась деревенька, словно старая женщина без одежды, стыдливо и виновато сбившая свои домишки среди ровной шири полей.

Но так же, как прежде, собираются здесь, на уже поредевшие беседы, и до поздней звезды текут и текут неторопливые рассказы. И кажется мне, что вечно будет жива моя деревенька, что не может она так просто уйти в никуда, не оставив после себя ни следа, ни тропинки.

ЦЕНИТЕЛИ

В деревне огородная страда. Все под выгреб на картофельнике. Огороды на задворках идут через узкие травяные межи.

Слева усадьба Геннадия Винокурова. Плаха у него большая, а самого радикулит мучает. Поясница у него с войны болит. Садит и копает картошку на коленях. Не сдастся.

Сегодня к нему дочка с подружкой из города на подмогу приехала. Платья короткие, ветер подола треплет, озорничает. Картошку сажат.

- Эх ты, етишки-тишки, - озорно кричит соседям Геннадий. - А ну-ко, на соревнования выходите!

- А стимулы-то как? - с соседней полосы.

- Это, как водится...

«Ах, Одесса, жемчужина у моря!» - несет-ся от дома Геннадия. Магнитофон висит на огороде, из дома протянута переноска.

- Папка, семенная кончилась! - дочка кричит.

- А не клин, да не мох, так и плотник бы сдох, - машет рукой Геннадий. - Тащи вареную.

«Если хилый, сразу в гроб» - рывкает на коле голосом Высоцкого.

Вечером сидели в заулке у Геннадия под черемухой. На столе бутылочка «Петровской», соленые огурцы.

- Ну, чтоб колос - в оглоблю, а картошка в колесо! - провозглашает Геннадий.

Тишина по деревне, черемуховый дух в носу щекочет. Благодать.

- Ну, еще по одной!

... Едут по улице ребята на велосипедах, широченные портошины до колен закатаны, за плечами гитары, как ружья.

- Эти из Васькова в Гуреево, в клуб, - комментирует Геннадий.

Тут же воют моторы. Кавалькада мотоциклистов летит по дороге в клубах пыли.

- Эти из Гуреева в Васьково, к девкам. А ну, Танька, давай музыку!

Дочка щелкает переключателем:

- «Ах, Одесса!» - восторгается магнитофон.

Заворачивают в заулочек велосипедисты, молча стоят в сторонке, мотоциклисты осаживают свои чадающие «керосинки».

«Улица, улица, улица родная, Мясоедовская улица моя...!...»

Стоят покуривают, на лицах блаженная меланхолия.

Поет заграничный ансамбль.

- Денис Русишь, - уважительно откликается парень с гитарой.

Танька презрительно фыркает.

- Эх ты, етишки-тишки, а вот мы сейчас русскова, хулиганскова! - вскакивает Геннадий, тащит из дома гармонь и балалайку.

- Танька, записывай!

- Куда тя, деревенщину, записывать! Не смешил бы народ.

- Я те покажу народ, - кипятится Геннадий, разводит меха, заламывает картуз, то-

пает подшитым валенком:

*«Я мальчишко-хулиган,
Батько делает наган.
От телеги отымает
Колесо на барабан».*

И поехал, и пошел, «Походную»!

Крякнула гармонь, разломилась меха латанные, забахвалились голоса, басы завздыхали, заподдакивали: «То-то шуму в Гурееве наведем; парней разгоним, девок самолучших выберем, пошли ребята!»

Доволен Геннадий, плечи расправил, про радикулит забыл, наяривает.

Но вот заплакали голоса, басы завздыхали. Отходную запели. Видать, крепко гуревские ребята девок любят.

Чуть немного, повеселел наигрыш:

*«А ничего я не жалею,
И ничем не дорожу.
Если голову отломают,
Я полено привяжу».*

Схватил Геннадий балалайку, потрянул пальцами, рассыпались струны серебряными колокольцами...

Танька магнитофон в охапку - и домой. Мотоциклисты постояли, постояли, рывкнули газом и умчались в Васьково, велосипедисты штаны закатали и в Гуреево подались.

- Ох ты, етишки-тишки, - только и сказал Геннадий.

Посидели еще на лавочке, погрустили. Слышим, шаги на дороге. Остановился человек, навел на нас фонарик.

- А-а, вот где веселье... А я седни картошку посадил. Выпил малость.

- Здорово, Сергей, - отрешенно сказал Геннадий.

- Парень, вышел из дому, чую, где-то в гармонью играют, ну и пошел.

- Это с Гуреева и шел?

- С Гуреева. Добро у тя, Енаха, выходит. А ну-ко вали, сыграй.

Ночь теплая, парная. К дождю.

... ДА САМОВАР-БАТЮШКА

Изо всех старух на деревне самая старая Парасковья Заводчикова. Ей уже давно за девяносто. Годы ее спину согнули, морозы и солнце кожу высушили, а ни ума, ни сил своих она не растеряла. На ногу скоро, поворотлива.

Есть за бабкой Парасковьей грешок. Что плохо лежит, мимо не пройдет. Смотришь, иной раз такую ношу на себе прет, что и молодому не под силу. Соседи списывают ей этот грех на скудость ума да на старость. Да и ругаться с Парасковьей без толку по причине ее полной глухоты.

А дом у Парасковьи - полная чаша. В огороде все лето гул стоит, пчелы медок собирают, яблоки наливаются, малина, всякая

овошь зреет. Во дворе каждая досочка к месту ткнута.

Частенько бабка Парасковья приходит к нам за помощью. То картошку из подпола вынуть, то ульи достать. Дел у ее всегда хватает. Выгребаем из углов подполья мусор, переставляем пятилетней давности бабкины разносолы, а она вверху по дому ходит, песенки попевает. А песенка у нее всегда одна и та же:

- Нет лучше на свете печечки-матушки да самовара-батюшки. Попили, поели, на печку полезли. Хорошо на свете белом жить.

ДОМА

Про дедка Семена Снопикова рассказывают, что всю жизнь отходом жил. Рубил дома по деревням, овины, старую Мариинку перестраивал. Когда силы на убыль пошли, домой не вернулся, оженился второй раз на стороне, в примачи пошел. А уж когда совсем невмочь стало, домой запросился.

Старшая дочь Поля привезла его на лошади в розвальнях чуть живого. Разболочки, на печь уложили.

- Ну вот, теперь я и дома, - поглядывает из-за борова хозяйским глазом, как бабы капусту рубят. - Полька, тут у тебя чо: шти али капуста? Ты штей поболе делай. Я шти-то люблю.

Через пять минут:

- Угол-то у байни всяко Васютка рубил?
Вот я ему по загривку-то и нахожу!
А только что умирал.

СВОЙ РАСЧЕТ

У разбитой дороги, по которой то и дело громяют грузовики, живет тетка Марфа Трошичева. На дворе у нее всякой живности вдосталь. Овечки блеют, телок помыкивает, куры квохчут.

У теткимарфиного дома частенько останавливаются машины. А та и рада. Шасть на кухню ухватами брякать. Мужики тем временем на стол вино. Выпьют, нахлебаются марфиных щей, картошкой с бараниной закусят, капусткой и спасибо - до следующего раза.

Живут у старухи студенты-шефы, удивляются. Мол, зачем же ты, бабушка Марфа, всех привечаешь? Какая корысть тебе от всего этого? Эвон сколько грязи нанесли, да ведь и хозяйству раззор. Все за спасибо.

- Э-э, - отвечает им Марфа, - на столе-то у меня все свое, а они и посидели, меня, старуху, уважили да три порожних бутылочки оставили. А это, считай, три буханки хлеба.

В ОТСТАВКЕ

Дедушка Петро Стогов прожил Аридовы веки. Стоит целыми днями у галдареи, опираясь на можжевеловый посох, выглядывает: не пройдет ли кто мимо, с кем бы поговорить.

Рассказывает мне, как воевал «ерманца», участвовал в Брусиловском прорыве, самого генерала видел. Заслужил Георгия, а сына на глазах убило. В одной сотне служили.

- Вот, думаю, перевалит за сотню годков, так полегче станет. Ан нет, не полегчало.

Работал в колхозе до 95 лет. За коням ходил, упряж чинил, дровни, телеги.

Под конец дочка его, Матрена, а ей 79 годов было, вовсе ему ничего делать не давала. Раз весной привезли дрова. Лежат в заулке, неколотые, горой. Дух от сырых дров забористый, пьяный. Аж на печке невмоготу. Не утерпел дедко, слез потихоньку - и во двор...

Матрена проснулась: стучит и стучит что-то во дворе. Вышла. А там батько дрова колет. Заругалась:

- Ты почто меня, тятя, перед деревней срамишь, али я сама не управлюсь?..

Умер дедко Петро в 105 годов. От сердечной недостаточности. Жаловался:

- Я бы ищо пожил, дак от всех делов отстранили.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Что за имена у наших старушек! Будто бы достали их со дна старого заветного сундука. Муза... Соля... Опросинья, Акулина.

Муза Сергеевна - поповская дочь. Как у нас в деревне говорят - слаутница. Голову всегда высоко несла. Лишь соседке Соле - подружке, сердце открывала, хотя та и простого роду была. Крестьянского. А потом словно коса на камень нашла. Пройдет Муза Сергеевна мимо своей товарки и взглядом не подарит.

А той бы по-простому: поругаться да забыть. Так нет же, экие козни.

Завела тогда бабка Соля козу да и назвала в отместку Музой. Вечером выходят соседки скотину с выгона встречать...

- Му-у-за-а! Му-за-а! - кричит бабка Соля.

Коза бежит, хвост торчком:

- Бе-е-е...

ЗА МУКОЙ

Лидия Филина, многодетная вдова, всю жизнь рассказывает про себя всякие прибаутки. Говорит, так жить легче. Посмеешься над своими бедами, и полвоза с плеч.

- Поехала я как-то в город за мукой. Паход причаливает к пристани, а я еще поскотинной бегу, опаздываю. Завязла в трясин-

не, а матросы уже чалку отдают.

Я и кричу:

- Пароход, кормилец, погоди, я, дура старая, в грезе сижу!

Сапоги скинула в ледине и бегом. Потом весь день босиком по городу бегала. Купила себе муки да юбку новую. Обрато поехала. Устроилась на палубе, юбку новую сняла, чтобы мукой не запачкать, села на мешок и уснула.

Просыпаюсь, а пароход уже от пристани отчаливает.

Я опять матросам кричу:

- Пароход, кормилец, погоди, я, дура старая, заспалась!

Схватила мешок на плечо. Да бегом. А юбка-то моя новая на пароходе и уплыла. Ни сапогов, ни юбки, одна рубаха посконная на мне.

- Ладно, - думаю, одежду да обутку ишо наживу, а вот почто это я не на своей пристани вылезла. Мне ведь с утра на дойку.

Всю ноченьку с мешком до дому добиралась. Где пореву, где похохочу.

Шла, шла. Моченьки моей нету, а и деревня близко.

Запнулась, мешок в канаву полетел, а я за ним. Как наваждение какое получилось. Голова на мешок попала, так сладко да хорошо. Просыпаюсь в канаве. Ой, где есть, не соображу. Заспала.

Светает. Вижу, мужик идет знакомый. Спрашиваю:

- Ты куда пошел-то?

Удивился:

- В Васьково, - говорит.

Тут я и смекнула: коль в Васьково, то мне в другую сторону надо.

ПОСИДЕЛА...

Надежда Захаровна, в прошлом знатный кукурузовод, имеющая даже медаль за выращивание царицы полей, в конце 30-х была репрессирована вместе с мужем, крестьянином из соседней деревни, вознесенным судьбой в секретари райкома.

Почти год ее продержали в подвале, куда и воздух-то закачивали принудительно. Вышла на свободу старуха старухой, зубы цинга съела. Дети, подобранные знакомыми, увидев мать, пришедшую за ними, заплакали от страха. Забрала их, уехала снова в деревню.

Вспоминать о тех временах не любит, гораздо охотнее рассказывает о себе всякие побаски, которые, якобы, происходят с ней едва ли не на каждом шагу.

- Приехала как-то в Череповец. Пошла на базар. - Говор ее с долей этакой иронической бравады. - Пошла на базар, значит. Вижу, мужик диван продает. Обшивка хорошая, пружины крепкие. Шестьсот рублей просит. Старыми, конечно.

Думала это думала и купила. Села, посидела и смекаю: а как же это я его к пристани

поташу? Тяжелый. А потом ведь и на паром с диваном не пустят. Тут уж базар закрывают. Сторож в колокол брякает. Давай, - говорит, - баба, снимайся с дивана-то!

Ох, ты мне! Чего делать? Посижу, побегаю. Хоть реви. А тут этот самый мужик и идет... Который диван-то продал.

- Ты чего, - говорит, - расселась?

Так и так говорю.

- Ох, говорит, ты и дура! Давай, говорит, я у тебя его обратно куплю. За триста.

Продала. Чего делать-то. Триста рублей просидела.

В шестидесятые годы она была реабилитирована и восстановлена в партии.. А о судьбе мужа так ничего и не узнала.

ЛАДНО ЛИ?

Однажды в праздник пришла к нам в гости из деревни Надежда Захаровна.

- Пешком и шла? - удивились мы.

- Ой, да делов-то! - беспечно махнула она рукой. - Всего десять километров.

Было Захаровне в ту пору уже далеко за семьдесят.

Усадили мы ее было чай пить, как тут друзья за нами на машине приехали. Захаровна с нами наотрез отказалась.

- Я тут с дороги отдохну пока, вас дожидаясь.

Ближе к вечеру возвратились мы из гостей. Сидит Захаровна за столом в похоронном виде. Рассказывает.

Только она легла отдохнуть, как вспомнила:

- Ой, а коза-то у меня осталась не поена. И Жене, племянке своей, наказать забыла.

- Встала она, оделась, дверь заперла, ключ под коврик положила, а на дверях записку прикрепила, что коза у нее не поена, наказать забыто, ключ под ковриком.

Уже в деревню вошла, как одумалась. Завернула к племянке своей и спрашивает:

- Женя. Ладно ли я сделала: ключ под коврик положила, а на дверях написала, что он под ковриком.

Та подумала и говорит: «Не ладно, божатка. Это не деревня. Долго ли до греха!»

Развернулась Захаровна и - обратно. Записку сняла, дверь отперла и нас дожидается.

Мы поразились, захохали. Бог с ней, с квартирой уж. Шутка ли, старухе за день тридцать километров опоясать. Без ног останешься. Хотим мы ее спать положить, а она заупрямилась:

- Нет, нет и нет. Коза у меня не поена, племянке опять не наказала.

И ушла обратно домой, как мы ни уговаривали.

СВИНАРКА И ПАСТУХ

На галдарее появляется писаная чернилами афиша: вечером в клубе будет демонстрироваться кинокартина «Свинарка и пастух».

Вот уже несколько лет подряд в кино, даже на самые захватывающие фильмы, ходит не более пяти человек. Старик Ионов, крестьянин интеллигентного склада, прочитавший в библиотеке всю мемуарную литературу, заведующая почтой молодая вдова Зоя, бесшабашная доярка Верка, не уехавшая из деревни лишь потому, что с четырьмя классами в городе делать нечего, жена киномеханика да какой-нибудь отпускник.

Но на этот раз клуб оказался битком набит. Собралось, кажется, все деревенское население, и даже дед Петро Стогов пришел, стуча своим посохом по скрипучим ступеням клуба.

И вот на экране ухоженная северная деревня, березовые перелески, высокие дома с резными крыльцами, прометенные улицы, полные молодости и веселья. Бойкая босоногая свинарка - Марина Ладынина и красавец-парень - Николай Крючков, растягивающий меха гармошки:

Стоит мне милашке Глашке
Левым глазом подмигнуть,
Как ко мне милашка Глашка
Камнем падает на грудь.

Когда закончился этот фильм, в зале стояла полная тишина, лишь слышно было, как

трещат папиросы у мужиков, дымивших у порога.

Народ не поднимался с мест. И тут раздался чей-то голос:

- Анатолий! Рязанов! Крути по новой!

И снова появились на экране Марина Ладнина и Николай Крючков с гармонью, деревенские улицы, полные молодости и веселья, и снова зал затаил дыхание.

СОН ФЕДОТА

В нашем колхозе лучший тракторист-пьяница. Рассказывают, напился однажды в страдную пору да и уснул прямо за рычагами трактора: сильно припекло. Трактор въехал на склон холма, накренился, и тракторист мешком вывалился из кабины. Закатился под куст и остался досыпать в тенечке. А трактор дальше поехал.

Проснулся Федот уже поздненько. С пастбища пастухи гнали коров. Тут он опомнился. Бежит деревней, видит: бабы стоят у колодца, судачат.

- Бабы, - кричит, - не видали, трактор мой тут не проезжал?

- А, вроде, твой, час назад в Глядково пошел!

А Глядково - центральная усадьба совхоза, километрах в пяти...

МЕНИСТР ОЛЕША

Олеша Пудов - личность в деревне значительная. Даже больше. Кажется: не будь Олеша, не было бы и деревни. Или была бы она совсем не та, как балалайка без струны: брнчать можно, а не сыграешь.

Дом у Олеша - точная копия хозяина, в переду широк, кособок, но задубел, крепок. Из-под лобастой крыши маленькие оконца щурятся, словно всей улице вызов бросили.

Таков и хозяин. Кривоног, осанист, глазки под кочками бровей маленькие, словно выпрашивают, давай-ка, мол, потягаемся: кто-кого?

Хозяйство у Олеша самое, что ни на есть, бестолковое. Однако, по мнению самого, лучше дела никто не ведет, да и не может. Хоть за что возмись. Ружье, из которого лет десять никто не стрелял, - самое убойное и меткое; собака - большой специалист по любому зверю, хотя все знают, что специалист по чужим гнездам; Олешина корова на своем веку не одного медведя закатала, о чем и газета писала, но он ту газету ошибочно искурил; и так далее, до самого последнего гвоздя в стенке.

В деревне говорили, что предложи Олеше пост министра, не задумываясь пойдет. Поэтому и звали его в глаза и за глаза Министром.

Переспорить Олешу еще никому не удалось. Ради потехи к нему мужики из сосед-

них деревень спорить ходили. Зимой делать нечего, соберутся у Егора Опарина или Афони в карты поиграть, посылают за Олешей. И начинается. Иной раз сутки двоим спорят.

Особенная гордость Олеси - часы, тут уж его не тронь. Готов биться об заклад на Куранты против своей «Победы».

- А что, - говорит, - бывает и Москва ошибается. А вот был такой случай. А мои из тютельки в тютельку...

ВОТ ЭТО РУЖЬЕ!

Раз у дедки Афони Пудов расхвастался. Дескать, ходил на охоту, зайца за двести шагов снял, баба пирог пекла сядни.

Но тут Афоня включился:

- От у моего дедка ишо дедково ружье было. Сидит в Васькове на завалинке, видит у свата в Гурееве зайцы на капустнике. Насыпает в дуло горсть порошу, две горстки сечки. Как даст!.. так мало, что зайцев растрепало, так ишо два прясла в огороде вынесло.

От это ружье!

ТЕМНАЯ БУТЫЛКА

Долгое время в нашем деревенском магазине торговал Николай Афонин. Все гладко да ладно шло, пока не пристрастился завмаг к горькой. Бывало до чего доторгуется, что упадет за прилавок, а двери полы. Благо в деревне про воров не знали. Однако снимать завмага пришлось.

Ну, а после и началась маята. Кто за это дело ни возьмется, одна поруха. Больше года никому не поработать. Как ревизия, так и растрата. До чего дошло: торговать взялась бывшая учительница математики Анисья Мартыновна, да и та быстро этот пост оставила, тоже недостачу выявили.

На магазине больше месяца замок красовался. Не было больше желающих в завмаги. А без магазина матушку-репку запевай.

Выручил всех Олеша. Запряг мерина Дозора и поехал в сельпо.

Председателем в то время Иванов был. Вот и выкладывает ему на стол Олеша заявление. Мол, так и так, прошу назначить меня завмагом.

Иванов удивился:

- Да ведь у тебя, Алексей Иванович, всего два класса, а тут и Анисья Мартыновна не справилась.

Пудов ему резонно замечает:

- Анисья Мартыновна против меня - темна бутылка!

ПОЛКИЛА «ПОГИБЛЫ»

Выборы в местные Советы. Деревня принарядилась. У бригадной конторы с утра праздничный народ. На галдарее в тенечке пристроился Олеша Пудов с выездной торговлей. Из района привезли конфеты, расстаявшие в дороге, банки с повидлом, бочку пива. Мужики гудят у бочки. Старух интересуют сладости.

Марфа Трошичсва приценивается к товару:

- Ты мне, Олеша-батюшко, свешай полкила погиблы. - Пудов взвешивает повидло, придерживая, как заправский торговец, скалку пальцем, гоняет с прилавка мух, тут же черпает пиво из бочки, покрикивает на жиденькую очередь и вообще чувствует себя генералом, принимающим парад.

К обеду мужская половина деревни уже готова к подвигам. Среди лужайки раскрасневшийся Пудов тягается на пальцах с Иваном Калиничевым. Иван явно перетягивает. И Олеша кипятится, кричит про неправильный загиб пальца и требует повтора.

Ребятня, оседлав бочку, катает ее по пыльной дороге, сомлевшие от жары собаки лениво долизывают остатки «погиблы»...

Торговал Олеша с полгода. Лет пять выплачивал недостачу. Притих, присмирел. Жена его, Марья, осмелев, носила по деревне:

- Я ему, Менистру, все одно голову отрублю...

НОЧЬЮ

Иду ночевать к старику Егору Опарину молчаливому, с виду угрюмому, схоронившему недавно свою жену, бабу Анну.

Ночь. Лежу на диване у окна. Луна льется сквозь стылый узор стекла, треснутого, подклеенного газетой. Не спится. Старик тоже не спит. Скрипит самокованная кровать под грузным его телом. Большую часть жизни работал Егор кузнецом. В кузне вверху - жара, внизу - ледяные сквозняки.

У старика болят ноги. Я пытаюсь представить, как сводит подагрой мышцы, разламывает кости, а он молчит, пересиливает себя, сдерживая боль в сжатых до каменности скулах.

Невыносимо ослепительная луна, усиленная чистыми снегами. Высвечены натертые дресвой половицы, щелявые стесы бревенчатой стены, как иконостас, хранящий семейные фотографии.

Солдат с Георгием невозмутим на фоне рисованных кипарисов. Нога на ногу, блестящие сапоги.

Пароход «Сергей Киров». Молодой парень в форме торгового моряка в зыбком свете луны кажется живым. Смеется, машет рукой с причала.

Тонко жалуются половицы. Старик, огромный и белый, вперевалку, гусем бредет на кухню. Долго пьет из ковша и, переводя дух, приглушенно и зло материт свой недуг.

Отворачиваюсь, считаю до тысячи. Тяжелой тучей наплывает сон. А утром на рваной полосе газеты, скрепившей стекло, читаю изжелтевший, кричащий лозунг: «Все силы на уборку...»

И вновь отчего-то грустно на душе.

«ТЕРЕОТИЧЕСКИ...»

После деревенской парной бани по-черному хорошо сидеть за певучим самоваром и тешить душу приятной беседой, позабыв про внутреннюю и внешнюю политическую обстановку, про разваливающуюся экономику и умирающее село. А если в этот момент коснется кто проблем глобальных, то в умиротворенном застолье и они щелкаются, словно орехи.

Итак, сидели мы после бани - московский фотохудожник, лет пять снимавший деревню для газеты «Правда», ученый-эколог из столицы и я, грешным делом, деревенский публицист, у шофера Алексея Шеина и предавались задушевному разговору.

- Берешь, - рассказывал один, - столько-то граммов такого-то удобрения, добавляешь к нему эстолько другого, вносишь его по схеме до Иванова дня под пропашные, и вырастает она, матушка, я - те дам!

- Да, - вторил ему другой, - нутрия - зверь капризный. Рацион должен быть составлен так, чтобы сохранялся ежедневный баланс

белков, углеводов и жиров, но не превышал...

- Ты прав - избу нужно рубить в охряпку. И непременно помнить о золотом сечении. Без этого ни одна изба не поднималась, - заливался третий.

Олеша Шеин, малый пятидесяти лет, с полутораметровым разворотом плеч, утирая пот с лица полотенцем размерами с хороший половик, крикнул и тоже вступил в разговор.

- Возил я специалиста по раздою коров Худолеева. Тот учил доярок, как массаж вымени делать, как мастит лечить, как аппарат надевать. До самой пенсии учил. А когда провожали на пенсию, весь наш коллектив банкета удостоился. Вот после второй или третьей черт меня и дернул.

- А скажи, - говорю, - Глеб Иванович, сколько ты за свою жизнь коров подоил?

- Что ты, Олеша, ни одной, - отвечает. - Я ведь специалист тереотический.

...Мы дружно захохотали. А Олеша смахнул со лба гигантским своим полотенцем градины пота.

Да, приятно сидеть после баньки за певучим самоваром и вести задушевные, «тереотические» беседы.

ЗИМОВЬЕ НА ЯГРЫШЕ

Деревенька Дресвище оживает лишь с первой травой. Приезжают сюда художники, писатели, поэты отдохнуть, порыбачить, запастись к зиме ягодами да грибами. Из коренных жителей одна-единственная старушка - бабка Ульяна. В Дресвище родилась, ходила по нянькам, батрачила, замуж вышла. За вдовца.

Четверо детей приемных да пятеро своих. Теперь они давно уже сами внуков имеют, живут по новым местам, родину свою позабыли.

Да и что в родине-то? Ни свету, ни радио. Одна вот только бабка и зацепилась за родной порог. Ни у тех, ни у других жить не желает. Дома-то каждый сучок свой, у каждого гвоздя своя история. А пуще всего боится бабка Ульяна в зависимость попасть, самостоятельности лишиться, лишней себя почувствовать.

- Хоть и черен свой кусок, да не обжуренной.

Летом здесь благодать. В магазин ли сходить тропками-прямушками - в радость, лес - под боком, соседи понаедут - повадно. Да и на огороде урожай завязывается - душе отрада.

С лета начинает бабка Ульяна к зиме готовиться. Сушняк из леса таскает, пилой ширкает, хлеб сушит, грибы солит, бруснику топит - зима все приберет.

С первыми холодными дождями пустеет Дресвище, и только бабка Ульяна все еще хлопочет по хозяйству. Переметут снегами метели дороги и тропки, навалит к крыльцу сугробов - бабка, словно медведь в берлоге, залегает. У нее даже колодец в крыльце.

Истопит русскую печь в зимовке - первые дня два на кровати, как барыня, спит, потом на печь перебирается, там теплее, а потом и вовсе в печь переселится. Пройдет неделя - снова праздник - печь топит.

Так до Масляной перезимует, а там уже солнышко припекать начнет, пора к весне готовиться, картошку перебирать, яровизировать, рассаду высаживать.

Первая огород свой вскопает, соседям поможет, пока они еще в городских квартирах нежатся. Хозяйка. Набольшая.

Как-то глухой осенью завернули мы с товарищем в Дресвище. Печь топили, уху хлебали, ночевали. Бабка Ульяна проведать нас заглянула, стопочку вина выпила, старинных песен попела.

Товарищи мои расчувствовались.

- Вот благодать-то какая! Спокой дорогой. Остаться бы тут навсегда, огород копать, рыбу ловить, корову бы завести на коллектив!

Слушала, слушала эти речи бабка Ульяна и загорелась вся.

- А что, - говорит, - ребята. Надо бы корову-то, ой, как надо. Глите-ко, по второй год лучкаря в нашей деревне стога ставят, все покосы наши пробрили. Слыхано ли дело, чтобы Лучкино в Дресвищах сенокосило.

А корову заведем, так зиму я за ней догляжу, места у меня на дворе - приволье, да и мне поваднее будет.

Больше товарищи мои о перспективе речей не заводили.

БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ

Как-то жарким летом появился у нас за деревней, на Трех Холмах, куда бабы за малиной ходили, медведь. Да такой нахальный! Малинник истоптал, муравейники переворочил, мох половиком скатал. Залезет среди бела дня на черемуху и раскачивается у всей деревни на виду. Собаки, те полаивали сначала на незванного гостя, а потом смирились - сами на Холмы носа не кажут. Но хуже того - никак бабам по малину не сходить. Только они приноровятся ягоду брать, как он тут как тут - заворочается, захоркает, ногой затопает - бабы визжать да бежать. Житья на Холмах от него не стало. Где бы и мужикам по рыжики сбегать либо гриба какого подцепить - куда там, всю власть Топтыгин забрал. Пожурят мужики на скамейке у клуба, поматюгаются. А чего делать? Ружья давно отобрали власть. Да и ведь «лицензия» опять же не по зубам. Зверь-то охраняемый, не колхознику чета.

Марья Козлова среди баб деревенских самая боевая. Надо сказать, что по молодости-то она куда как хороша была. Что статью,

повадкой, что девичьей удалью. Василий ее до последних лет к каждому встречному-поперечному, только что к пеньку березовому не ревновал.

Вот Марья и говорит мужикам:

- Не мужики вы, баб хуже! Медведя от деревни не отогнать! - плюнула и к дачнице городской пошла, та из города только-только приехала.

- Пойдем, - говорит, - со мной по малину. Ягодросло - не уборная.

Та обстановки не знает, ведро на руку и пошли.

Где-то через час видит народ: летит через поле от Холмов дачница без ведра, просто-волосая, домой заскочила и дверь на засов.

Всполошились было - Марьи нет. За Василием побежали. Только видят - и Марья от Холмов правит, не спеша. И даже какая-то задумчивая, я бы сказал, загадочная.

Бросились к ней:

- Что хоть было-то? Что случилось, скажи?

Тут и Василий подлетел, запыхавшись.

- Чего, чего, - отвечает Марья с усмешкой и на Василия, мужа своего, смотрит с укоризной.

- А схватил, - говорит, - меня медведь в охалку, посадил на пенек, титьки вывалил, поохотал... и ушел.

Тут Василий взревел раненым медведем, выхватил из копны вилы и - в лес. Чего там было - никому неизвестно. Василий вернулся живой и невредимый, правда, без вил. А вот медведь с тех пор на Холмах не появлялся.

СТАКАН ВОДКИ

Всю ночь на краю деревни кто-то гудел и рычал, озарялся яркими вспышками, шарил по улицам длинной рукой прожектора, выводил, подвывая и взрыдывая: «Ай лав ю, май бэби! Ай лав ю!..»

Утром деревня проснулась и увидела на околице дьявольскую машину с гусеницами выше человеческого роста и такой же ширины, с прицепом на гусеницах, с платформой, на которой, как в поле, затерялись два строительных вагончика.

- Газовики прикатили! - догадалась бабка Марфа. А доярка Верка, возвращавшаяся с фермы, окинула взглядом новоявленного монстра и тут же нашла ему практическое применение. Она постучала палкой в двери кабины, и оттуда выглянул взъерошенный и мятый, будто его достали из стиральной машины, водитель:

- Свези на болото! - задорно крикнула Верка. Водитель поглядел на ее мутно и, ожившись вдруг, выдохнул:

- Стакан!

Через пять минут Верка вернулась с корзиной и половиной бутылки в руках. А вокруг машины газовиков, словно муравьи, сновали деревенские жители с рюкзаками, корзинами, коробами. Экое счастье подвалило: все не ломай ноги за десять километров до клюквенника! И мы с товарищем присоединились, взгромоздились на прицеп, как на

палубу океанского лайнера поднялись. Но вот адская машина взревела, дрогнула и поехала, будто полдеревни вдруг отделилось и покатило в сторону леса.

Едем, пьем с доярками чай в вагончике. И тут влетает товарищ с дикими глазами:

- Ты погляди, что творится!

Лесная дорога петлива, громоздкой машине не развернуться, и она идет напрямик. Березы и ели в обхват ложатся под гусеницами, будто трава. В вагончике даже чай не расплескался. Через полтора часа на болоте.

- Приезжай к вечеру, - кричит Верка и показывает водителю вторую половину бутылки.

- Давай сейчас! - хрипит водитель, но Верка уже исчезает в лесу. «Адская» машина, словно медведь ворочается в берлоге и грозно рычит. Деревья лопаются с веселым треском, будто спички. И вскоре в лесу образуется кратер, напоминающий место падения тунгусского метеорита.

- И всему этому цена - стакан водки, - говорит товарищ.

Вечером адская машина уже дожидалась нас. Протрезвевший водитель сидит на поваленном дереве, перегородившем тропу, и в глазах его вспыхивают нахальные искры. Он останавливает каждого пассажира, отмеряя из его корзины пятилитровое ведерко клюквы и сыпает себе в разбухший мешок, напевая вчерашнее:

- Ай лав ю, май бэби! Ай лав ю.

«ЧТО Я ВАМ СКАЖУ...»

- А я вам, ребята, вот что скажу... - Василий Васильевич щурится сквозь стянутые резинкой толстые очки, гордо подымая седую голову на худой морщинистой шее, прокуренный ус его воинственно топорщится.

И молчит. Молчит многозначительно, выжидающе, требуя тишины и полного доверия ко всему, что будет сейчас сказано. А сказано (э-э, надо знать старого рыбака Василия Щербакова!), сказано будет такое, что трудно удержаться да не бухнуть кулаком в стол:

- Ну, старый, ну, загнул!

Но не дай бог, если даже ироническую ухмылочку твою заметит: тотчас замолчит, улезет на печь, и слова от него не добьешься. Будет высокомерно попыхивать папироской. Мол, экой вы, молодяжка, народ несерьезный, неча на вас впустую время тратить.

Василий Васильевич раньше работал бакенщиком. Вся жизнь на Шексне прошла. Видел времена и порядки разные. Рыбу лавливал, какая нам и не снилась. И стерлядку, и белугу, и самого батюшку-сома.

Мы же промышляем теперь окуньками да плотвичками на просторах нового рукотворного моря. И в доме старика Щербакова всегда находим пристанище, певучий самовар да его бывальщины.

- Так вот, жил на Черной Гряде рыбак, - начинает неторопливое плетение рассказа

Василий Васильевич. - Фамильи я его не помню, а по прозванию был Пузырь. Так этот Пузырь белугой промышлял.

За день отмеряли мы с приятелем в поисках добычливых мест километров двадцать. Самовар да стопочка «с устатку» доконали нас окончательно. В ногах что мельничные жернова, в глаза хоть спички вставляй.

- Так вот. Откует Пузырь в кузнице крюк, наимает судаков фунта по два на живца и идет на лов. Заместо жилки веревка пеньковая.

Домишко Василия Васильевича стоит обочь деревеньки на косогоре. В окошко видны посадки, сбегаящие к реке, баньки на задворках, почти вплотную подступают к воде, словно собрались стадно на водопой.

Из-за реки катят на деревню изодранные, грязные тучи, просвеченные снизу запавшим в болотах солнцем. Слышно, как далеко по реке протяжно ухает - бьют сваи под новый шлюз. Северная сторона неба освечивает, словно кто-то большой пытается зажечь в ночи огромную спичку и не может зажечь.

Я вижу, как от крайнего домика спускается к реке мужичонко в драной фуфайке, с мотком веревки в руке, деревянной бадейкой, сталкивает в плескучую зыбь рано остывшей реки утлую лодчонку.

- Вот, паря, наживит он на крюк того судака, намостит веревку на ногу и таскает снасть буксиром на глыби. Иной раз сутки - двой дома носу не кажет, пока брюхо вовсе к хребтине не подволокет.

Голос Василия Васильевича звучит глухо, будто из подвала, то пропадает совсем. Я отчетливо вижу иззябшего Пузыря, сутулую его фигуру в одинокой лодке среди темной зыби. Он гребет окоченелыми руками, гребет, и гребет, и гребет...

Но вот лодка, словно натолкнувшись на преграду, стопорит резко, весла, беспомощно махнув в воздухе, выворачиваются из уключин, прыгают белыми пятнами на течении. Пузырь лежит на дне лодки, шпангоуты врезаются ему в бока, дырявый сапог с намотанной веревкой торчит за кормой.

- Взяла, язви ее! - радостно кричит Пузырь и дрыгает ногой. Но в ответ получает такой удар, что сразу же затихает. Лодка стремительно несется в ночи. Мелькают на берегу домишки, деревья, мелькнул копер... Пузырь ухнул. Отмахали уж верст десять. А сил у рыбы не убывает. У Пузыря нога занемела, он давно уже мог бы скинуть сапог, но сапога жалко, они у него последние.

- Очнись! - приятель мой больно тычет меня в бок. Оказывается, я бессовестно сплю, однако старик сослепу не замечает.

- Так вот, паря, на белуге до Череповца и катит. Вымотает ее, к лодке причалит, веревку под жабры пропустит и... поехал. А в городе у пристани встанет. Народу соберется, что на ярмарку. А Пузырь за погляд с каждого по пятаку, шапку по кругу пустит. А уж потом за вожжи потянет, белуга-то и всплывет. Экая-то дура! По шестнадцать пудов лавливал.

...За окном набирает силу ночь. Мы идем с товарищем на сеновал, забираемся под полог. Однако, сон уходит вдруг, лежим, вслушиваемся.

Рска не спит. Из темноты доносятся режущие воздух звуки моторных лодок. Сколько их? Десятки, сотни, тысячи моторизованных, вооруженных современным оружием и снастями рыбаков и охотников.

Под утро мне снилась темная река, одинокая фигура в лодке. Пузырь выгребал на течение, шурил на меня сквозь толстые стекла очков хитрые глаза, и прокуренный ус его воинственно топорщился.

КАК ПЕТЬКА НЕ ПОВЕРИЛ ГЕРОДОТУ

Как-то под осень заглянул к Василию Васильевичу. В последнее время пришел к тому обостренный интерес к сельскому хозяйству. Любит поговорить о его проблемах, газеты почитывает от корки до корки, изыскивая рецепты для поправки страдающей деревни.

В каждый мой приезд идут у нас острые дебаты по этому поводу. Василий Васильевич вызывающе попыхивает папиросой, выжидает момент, чтобы «сразить противника наповал» приготовленной на этот случай сенсацией.

Вот и на этот раз он бойко взбирается на лавку, нашаривает на полке, украшенной

стриженными газетными подзорами, небольшую книжицу, снова водворяется за стол, плотно прижимая ее рукою.

- Тут вот я такое дело вычитал. Не знаю, поверишь, нет ли? Петька вон Ершов не верит, - начинает Василий Васильевич с подходом, как на глухаринной охоте. - Так вот. Жил в свое время один древний историк по фамилии Геродот. У него, значит, и сказано, будто еще много раньше жил такой совсем древний народ - шумеры. Ну, ты знаешь, грамотный. Так вот Геродот писал, что будто бы они там в Междуречье преогромные урожаи собирали. Страшно представить: сам - сто, сам - двести...

Уж не знаю, как они там считали, на круг или в амбарном, а все получается, что каждое зерно до двухсот зерен давало. Если так, то у нас урожаи-то в двести центнеров, в четыреста должны выходить. Вот так-то! - И Василий Васильевич веско прихлопнул рукой книжку.

- Ну, а дальше?

- А дальше я своему соседу и сказал. Что же это, говорю, Петька, получается? У тебя трактор в сто пятьдесят лошадей. Агротехнику ты в училище спознал, тебе и удобрения, и советы научные выдают, и семена отборные экую даль везут, а осенью посмотришь - колос от колоса не слышать и голоса...

Вон, говорю, мужичонки-то, шумеры-то древние: и грамотки никакой, ни тебе тракторов, ни сеялок, ни химии, а как тебя обскакали...

- А Петька-то что?

- А врет, говорит, твой Геродот. Загнул, говорит, для потомков. Чтобы, говорит, мы думали, что они там не лаптем щи хлебали...

Василий Васильевич пододвинул, наконец, мне книжицу. Это были «Очерки развития земледелия» С. Скорякова.

- Читай, не думаю, чтобы уж так загибал этот Геродот.

Действительно, так и было написано. Более того, другой древний историк, Страбон, называл урожайность еще более высокую - сам-триста. А современные ученые, занимаясь расшифровкой клинописи, - нашли подтверждение их словам.

- Вот ты и скажи, - волновался Василий Васильевич, - зачем бы это древним шумерам очковтирательством заниматься, да еще эту вранину на камнях высекать?

- Да, запустил мне Василий Васильевич, что называется, ежа под череп. Тоже все хожу теперь и думаю: «Чем же это мы тогда семь тысячелетий занимались?»

ЧУВСТВО ХОЗЯИНА

Вот все говорят: чувство хозяина, чувство хозяина...

А что это такое - никто не может объяснить.

Жил в нашей деревне старик Василий Игнатьевич Беляев. Казалось, что время для него

остановилось. Сколько лет ни знал его, а все одинаковый. Жилист, сутул, редкие седые волосы, что пух одуванчика. И глаза. Удивительной ясности голубые глаза на обветренном, иссеченном морщинами лице.

Василий Игнатьевич возил молоко от колхозного стада на сепаратор. Бидоны так и летали в его руках, хотя было старику далеко за семьдесят. Молчалив. Бывало сидит на передке телеги, и голова его покачивается в такт неспешной поступи колхозного мерина Дозора. Но каждого встречного Василий Игнатьевич приветит. Приподымет кепочку-блин и улыбнется светло:

- Мир тебе, добрый человек.

В деревне было известно, что Василий Игнатьевич воевал в финскую и Отечественную. Говорят, что наград у него - в шапку не окласть. Но хвастать ими старик не любил. Однако, вот дом у него, пожалуй, был самый видный на деревне. Тесом обшит, деревянной резьбой изукрашен, маслом крашен, во дворе полный порядок, все тропочки прометены, каждой щепке свое место, забор выставлен из тонких бадожков, крашенных и опиленных под плавную волну.

Этот забор и послужил причиной события, удивившего деревню и открывшего Василия Игнатьевича с неожиданной стороны.

Как-то пришли в наш деревенский магазин молодые матросы с брандвахты, что чистили дно в реке Шексне. Как раз в магазине был завоз дешевого портвейна, и наши мужики тут же у магазина праздновали это со-

бытие. К пиршеству подключились и матросы. Но тут, как на грех, явилась в магазин последняя деревенская девица - доярка Верка, смазливая и кокетливая. Что там произошло, но пошла между матросами свара. Наши мужики в эту свару тоже встряли: как же, хозяйева, надо порядок блюсти. А матросы, замирившись вдруг, повернули свои фланги против хозяев.

Драка завязалась изрядная. Но сила силу ломит, не помогли и стены, дрогнули наши мужики, отступить стали. Василий Игнатьевич баталию из окна наблюдал. Конечно, за деревню обидно, а дело стариковское - на печи лежать. Но только видит он, что один матросик подбежал к его огороду и выломал крашеный стежок, чтобы сподручнее деревенских было гнать. А за ним второй, третий...

Василия Игнатьевича как смело с лавки. Выскочил на улицу, глаза молнии мечут, руки, как мельничные крылья. Подлетел к первому матросу, с одного удара в канаву сшиб, второго левой достал, третьего ногой - и стежок крашеный не помог.

Тут мужики наши, видя столь неожиданный поворот битвы, пошли в наступление и гнали супостата до самой околицы.

... Думаю, что эти три матросика с брандвахты ясно представляют себе, что такое чувство хозяина. Жаль вот только, что не совсем по адресу пришелся урок - надо бы его преподать тем, кто до сих пор над нашей деревней эксперименты ставит. Иль не ста-

ло больше по деревням Василиев Игнатъевичей?

ГОМО САПИЕНС

Раньше на краю деревни у самой поскотины стоял маленький, словно придавленный сверху чем-то тяжелым, серый домишко. Жил в нем бобылем Шура Манин. Манин - это было его прозвище, образованное от имени матери, каким наделяют в деревнях безотцовщину.

Фамилию Шуры мало кто знал, и даже в колхозных ведомостях частенько писали Манин.

Шура был мал, сутул, но жилист, скор на ногу. Глаза у него были удивительной голубизны, придававшей всей его фигуре какую-то светлую печаль.

Жил Шура нелюдимо, тихо, скромно. Может быть, эта ничем не пробиваемая замкнутость и послужила причиной тому, что от него через неделю сбежала молодуха, высватанная за большой рекой.

Шура был первым на деревне рыбаком. Поутру пастухи видели, как он с сумкой-заплечницей торопил шаги через поскотину к бору, а в обед уже появлялся у костра заглодавших пастухов, садился смирно в сторону, позволял пастухам выбрать из сумы для ущицы матерых, переложенных осотом, исходящих речным духом окуней. Была в на-

шей местности речка с хитрым названием Вылазка. Тоненьким ручейком течет она по ту сторону Угольских болот, а в болотах теряется, лишь редкие окна жуткой, пугающей черноты открывает кой-где в чахлый болотный мир. Знал те окна один Шура.

Сколько ни пытали его мужики, как ни опаивали вином в праздники, тайны не добывали. Так и унес ее в могилу нелюдимый, не менее загадочный Шура Манин.

Много лет спустя приехал я с друзьями-журналистами на рыбалку. Машину поставили на краю посада, где жил когда-то первый на деревне рыбак. Дома уже не было. Его разобрали и увезли на дрова. Лишь гнилые, никуда не годные бревна, да дотлевающая щепка лежала на пустыре. Тут же стоял голубой вагончик мелиораторов, на котором было начертано:

«Здесь живут гомо сапиенс».

Нет больше тех болот. Ровно и безбрежно лежат поля, и не за что зацепиться скучающему глазу.

ГАЛДАРЕЙНЫЕ БЕСЕДЫ

НАТУРАЛИСТ

- Раз у бабки Ульяны сижу в заулке у пруда. Смотрю: что такое? Луковица по воде плывет. А потом - раз, и скрылась. Потом другая, третья. И все под воду ныряют. Пригляделся - ондатры бабкин лук воруют. Пока с час поди сидел - всю грядку перетаскали.

ДВА ФОЛЬКЛОРА

- Бабушка, а бабушка! Мы студенты с пединститута. Фольклор собираем. Нет ли у вас какого-нибудь фольклора?

- Погодите, погодите. Всяко ищю мой тятя с германской приносил два фольклора да патронов сунку... Вот только на потолок слазаю.

ПО ГРАФИКУ

- Слыхали, на Великом Дворе коровий комплекс поставили, что завод настоящий, а рядом дом большущий для обслуги. Девятиэтажный. С лифтом.

Вот поехали доярки на ферму да в лифте и застряли. Ни взад, ни вперед. Коровы не доенные на комплексе орут, доярки в лифте в голос воют...

Председатель в город звонит мастерам:

- Достаньте мне из лифта тружениц жи-

вотноводческого фронта.

А те:

- У нас по графику не ваше хозяйство. Ваше в следующем квартале обслуживаем. - И трубку бросают.

ЗДРАВСТВУЙ, НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА!

- Живу в городе на девятом этаже, ровно птичка какая. Всю зиму ногой земли не трону. Ну, а уж как пригреет - на цепи не удержать. Ребятам своим: везите домой и не грешите. Дома-то мне каждая елочка, каждая березка поклонится: «Здравствуй, Наталья Петровна!»

ПО СОСЕДСТВУ

- Ягоды нынче на Лакомце уродилось - славно! Мы это и пошли с Иваном Калиничевым третьего дни на болото. Поразошлись. Потом выхожу на проплешину, вижу, Иван ягоду гребет, ничего не чувствует, ровно глухарь на току. А рядом - медведь... Пенек разворошил, муравьями лакомится. У меня чуть слабость живота не приключилась. А надо Ивана спасать. Я ему и так и сяк из-за сосны намахиваю: мол, давай сюда. Он мою сигнализацию заметил и во весь-то голос: «Погоди малость. Набирушку вот накатаю».

Пришел. Я ему: «Ты чо, паря, медведя-то видел?»

- Как, - говорит, - не видел. С утра тут ходит.

ШИНЕЛЬ

- В Финскую это было. Я в разведке служил. Шинелишка у меня изнасилась, прожжена, осколками побита. Старшина и говорит: «Невзоров! В разведку пойдешь, получи новую шинель. А то, не дай бог, в такой шинели в плен попадешь, так перед неприятелем стыдоба...»

КОГО ВЫЧЕРКИВАТЬ?

В кои-то веки приехал в деревню председатель сельсовета. Собрал стариков.

- Вы, - говорит, - в нынешние выборы на альтернативной основе голосовать будете.

- Как это?

- Теперь у вас в бумажке будут две фамилии. Одна председателя колхоза, а другая, - председателя сельсовета. Одну надо вычеркнуть.

- Это которую?

- Сами решайте. Оставьте того, от которого больше пользы будет.

- Тогда надо обоих вычеркивать...

НА ТОМ СТОИМ

У магазина:

- За чем стоите-то?

- Да за колбасой!

- Колбасы-ти нету!

- Да привезут.

- Да, говорят, еще не наделали колбасы-

ти...

- Всяко наделают.
- Да ить и мяса-то не narosло.
- Наростет...
- Чо, так и будете стоять, пока наростет?
- Постоим. Семьдесят лет стояли, дак те-
перя всяко недолго осталось.

С ЛОЗУНГОМ

- Наша деревня без лозунгов не живала. Наш народ политический момент за версту чует. Мы с генеральной линией завсегда согласны.

Вот, помню, Никита Сергеевич взошел на пост и принялся хулить вождя всех времен и народов Иосифа Виссарионовича. Жалко, конечно, вождя, да терпим. А Хрущев свою линию гнет.

- Вы, говорит, мужики, шибко по Сталину не тужите. Груб, говорит, был, да к тому же тиран. А мы с вами вот чего лучше сделаем: коммунизм построим.

- Как это? - заинтересовались.

- Ой, да дел-то! - отвечает. - От старых земель отступимся, целину распашем, кукурузу повсеместно внедрим, Америку догоним, а там и рукой подать!

- А и верно, - говорим, - сложного ничего тут нет. Зато при коммунизме благодать - хочешь, на печи лежи, хочешь, в потолок поплывай. Даешь коммунизм!

Крикнули Хрущеву ура и стали коммунизма дожидаться. А тут немного погода объявля-

ется Генеральный секретарь Брежнев.

- И кого, - говорит, - вы, мужики, слушаете. Да он всему миру известный Емеля. Он даже в ООН ботинком по трибуне стучал. Вы, говорит, послушайте, чего я скажу. Коммунизм, конечно, хорошо. Мы от него не отказываемся, а вот с Америкой того... Промашка. Мы, говорит, за Америкой рванулись, а скотина наша и поотстала. Потому и перебори с молоком и мясом.

- Я. - говорит, - чего предлагаю. От целины отступаемся. Россию переименовываем в Нечерноземную зону и начинаем подымать на ноги. Все деревни, какие есть, свезем в одну. Под старыми земли распахиваем, столько всего нарастет - и в Америке не приесть будет.

- И то верно, - думаем. - В одной деревне веселая будет. Даешь зону, ура Леониду Ильичу!

Долго ли коротко объявляется Андропов.

- И чего же, - говорит, - это мы, граждане разаемся-то?

- А чо? - заскребли в затылках.

- Да ведь не нами сказано, что выше головы не выскочишь. Предлагаю работать на процент лучше, а с каждого рубля по полушке экономить. Это в масштабах страны какая экономия выйдет!

- Даешь полушку! - согласились мы. Крикнули Андропову ура и на печь полезли. Чего после Андропова говорил Черненко - не помним - все заспали.

А тут и Горбачев поспел:

- В чем дело, товарищи! Почему на печи?
- А у нас по программе коммунизм давно.
- Я ту программу переписал.

Закряхтели, слезли.

- Слушаем.

- Значит, так: коммунизм в силу его неперспективности отменяется. Старую систему ломаем, а из ее обломков новую соорудим. Капитализм с человеческим лицом называется.

- Ну, коль так, оно конечно, - отвечаем. - Мы всегда. Пожили при коммунизме, отчего бы теперь и при капитализме не пожить.

- Это хорошо, - говорит он. - Я знал, что народ меня поддержит. Значит, теперь нужно двигаться к рынку. Всем вместе. За отношениями.

Как говорится, процесс пошел. Только вот мы уже в дороге одумались: как там кормить будут: за казенный счет либо с собой из дому брать?

ПРАЗДНИК

Иван Калиничев и Олеша Пудов точат в заулке топоры. Искры весело сыплются на молодую траву. У обоих просветленные апостольские лица.

Олеша трогает пальцем лезвие, стучит по нему ногтем, сталь отзывается тонким звоном.

- Сегодня, парень, у нас праздник. Сын из города вернулся. С семьей. Дом будем перебирать, - довольно хвастает Иван. - Вертайся и ты. Новый дом поставим, пока силы-то есть. Да заодно и научим, как дома рубить. И в лапу, и в чашу, и в прямую зарубу, и в косую. Пригодится.

- Праздник, значит. Ох-хо-хо. - И они оба довольно улыбаются.

Новые бревна пахнут смолой, и тонкий запах плывет по тихим деревенским улицам, предвещая большую работу и обновление.

ВСЯК КУЛИК

Утром прихожу на галдарею, чтобы с попутным молоковозом добраться до райцентра. Там уже караулит машину Борис Кузнецов, в прошлом колхозный кузнец. Покуривает, попыхивает папиросой, прищуривается хитро:

- Что, говоришь, тянет домой-то? То-то. Всякому кулику свое болото дорого. Вон распахали у наших куликов мелиораторы болото. Всем переселение вышло. С Каменного на Долгое переселились. По старому поплачут, поплачут, потом и новое хвалить зачнут. Так и мы: по старому плачем, а за новое держимся.

НА ТРАКТЕ

Как-то возвращались с товарищем на его «Жигулях» с болота. Товарищ страстный грибник и ягодник. На своей машине объездил всю Вологодскую область, кажется, что каждую елку у дороги знает, каждый перелесок.

Нагруженные добычей, ехали мы проселком. Было воскресенье, и грибников да ягодников на «Жигулях», казенных УАЗиках мчалось по дороге без счету. Оставались в стороне маленькие, остаревшие, серые от пыли деревеньки с заросшими травой улицами, позаброшенными домами и огородами.

И тут я увидел старую, совсем старую женщину на длинной и узкой, как половик, наполовину взрыхленной картофельной полосе. Она накапывала ведро картошки и несла его по взрытой земле к стоящему в конце гряды гнутому венскому стулу. На стуле грузно распухал мешок. Старушка высыпала картошку в мешок, поприсела и, взвалив его на плечи, потащила во двор.

От тяжести старушку качало...

Миг, и мы пролетели мимо деревни к гудящему моторами и сотрясающему воздух шоссе.

С В Ы С О Т Ы П Т И Ч Ь Е Г О П О Л Е Т А

СТАРЫЙ ДОМ

Каждый раз поезд проходит через станцию ночью. Из мрака набегают тускло-желтые фонари, пустынные улицы с мерцающей призрачно грязью, полосатый облезлый шлагбаум, посеченная дождями будка стрелочника с таинственной жизнью за освещенным окном, наконец, выплывает перрон с одиноким заспанным дежурным.

- Пречистое, станция Пречистое, - монотонно повторяет проводница севшим от бессонницы голосом. Никто не откликается на ее призыв, и она уходит в тамбур, гремит угольным совком.

Состав дергается, лязгает на стыках, снова втягиваясь в ночь, и я, прилепившись к окну, выглядываю в темени крайнюю от реки улицу с разросшимися тополями, под которыми, надвинув на окна трехскатную крышу, по-стариковски отрешенно дремлет наш родной дом. На какое-то мгновение в окнах его отражается свет поезда, и кажется, что в глубине дома что-то смещается, приходит в движение. Но гаснет мимолетный свет, и снова слепо смотрят в себя его окна, словно думает он глубокую, потаенную думу.

Больше уже не уснуть. Беспокойная тоска

рождается в груди. Всматриваюсь в бесконечную стену темного леса и тоже думаю свою думу: о себе, своих предках, о судьбах людей и домов, о памяти, которая, как оказывается, есть не только память твоей жизни, а способна удивительно ярко и осязаемо высвечивать вдруг картины той далекой жизни, в которой ты не мог сам жить.

Вот жарким июльским полуднем режут на пруду нашу корову Краснуху на общеколхозные нужды, и моя пятилетняя мать с плачем под хохот мужиков тащит ее большое дымящееся сердце домой. Я вижу деда Сергея, вечно озабоченного и хмурого, вижу, как пришел он домой с болота, где утонула в трясине другая наша корова, Пеструха, как, убитый горем, сел на лавку, захватив негнущимися руками голову. Я помню ужас наступающего голода, который прежде всех осознала моя бабушка, к тому времени мать пятерых детей.

Первым из Быкова уехал дед в поисках заработка в соседнюю Ярославскую область. Председатель колхоза в отместку отказал бабушке в работе. А она одна с кучей ребятишек долго не смогла выдержать. Наняла подводу, погрузила немудреный скарб в телегу и отправилась по долам и горам Междуречья к далекой Бушуихе, где изредка останавливались грохочущие паровозы. Без письма, без телеграммы, без предупреждения.

Первый раз в жизни дед заплакал:

- Господи, Маша! Куда же я вас дену? Я ведь и сам в конюшне живу.

Я отчетливо представляю и брошенный дедов дом в деревне Быково: из золотистой сосны, с высокой подклетью, с мезонином под крышей, «звонкий, как колокол». Лет десять назад довелось побывать на прародине, завернул по зарастающей дороге на печины древней деревни Быково. Лишь ветер гудел в бурьяне да простуженно на одичавшей яблоне каркала такая же одичавшая ворона.

...Столяр и плотник, печник и бондарь, дед мой, Сергей Сергеевич Петухов, начал подниматься заново, вкладывая в стройку каждую копейку. Лет пять дожидалась семья нового дома, обитая в сторожке при райпотребсоюзской конюшне. И не успели обжить новые хоромы, как из Междуречья один за другим тронулись многочисленные братья и сестры бабушки Маши, согнанные недоброй властью с родных гнездовий. Так дети Дмитрия Сергеевича Синицына, делегата первого Всероссийского съезда крестьян, перестали быть крестьянами.

Сначала приехал на разведку Василий Пахомов, муж средней синицынской сестры, тетки Дуни, человек прижимистый и скуповатый. В щегольских хромовых сапогах через плечо, чтобы зазря не трепать, в чесучовом пиджаке с зашитыми в подкладку деньгами, явился он к бабке Маше за советом: где присмотреть продажный домик подешевле да получше.

Ушел Пахомов тогда да и пропал на всю ночь. Лишь под утро заявился - без сапог, без денег, со вспоротой подкладкой. Сел на

лавку и заревел:

- Митриевна! Я ведь все проиграл. До синь пороху... Повешусь!

- Ах, ты, турка, патрецькая твоя рожа, - заругалась бабка, натягивая жилетку. - На чужое позарился, а свое потерял!

Ушла и через полчаса принесла и сапоги, и деньги. Дядька Вася бухнулся к ней в ноги...

Со всем возрастающим семейством перебрался в Пречистое дядька Генаша. Он был хром с младенчества. Когда-то тетка Дуня нянчилась с ним, посадила на весенний, еще не прогретый лужок, да и заигралась в лапту. Малец простудился, болел долго, с тех пор застуженная нога так и отставала в росте.

Дядька Генаша освоил портняжное ремесло. Чего только он ни перешил за свою жизнь: костюмов, пальто, шуб, шапок... Но вот главной его специализацией остаются кепки-восьмиклинки. Мода на них одно время была большая. Бывало - зайдешь в дом дядьки Генаша - будто в доме со всей округи мужики. Восьмиклинки по стенам на каждом гвозде, восьмиклинки на столе, на шкафу, на кровати, под кроватью на деревянных колодках... И сегодня нет-нет, да и закажет дядьке Генаше какой-нибудь старичок, верный моде своего времени, восьмиклинку. То-то любо старому мастеру. Раздвинет на столе вороха выкроек, расправит материю и на глазок, без прикидки вычертит обмылком будущую кепку.

Самого же дядьку Генашу природа кроила

на богатыря. И если бы не этот вот изъян, был бы он «первым парнем на деревне». Широкоплеч, осанист, на могучей шее крупная голова в густой седой шевелюре, орлиный нос и веселый погляд.

Впрочем, хромота не мешала ему блеснуть и молодецкой удалью на гулянках. А вот женился Геннадий Дмитриевич на добрейшей, тишайшей, маленькой, словно воробышек, Шурочке. И ее кротость удивительным образом повлияла на дядьку Генашу.

Бывало возвращается он с работы из села на станцию. Дорога не близкая. И как говаривала моя бабушка: «Для Генаша со станции до села три версты, а от села до станции - восемь». Это потому, что на обратном пути нужно было миновать столовую, чайную и станционный буфет. А заказчики, они везде одинаковые. Кому не хочется мастеру угодить, авось наперед пригодится. Тем более, что в одних только восьмиклинках его щеголяла вся станция и село.

- Геннадий, - зазывают из столовой знакомые шофера. - Заверни.

- Не, робята, недосуг. У меня ведь семеро по лавкам, - крепится Дмитриевич.

Из чайной кричат, за рукав тащат. Отбивается. Но у станционного буфета сопротивление сломлено, и он на час-полтора застревает за мраморным, уставленным пивом столиком.

А далее природная удаля берет свое. Дядька Генаша, решительно опираясь на трость, по гусиному переваливаясь с боку на бок, пре-

одолевает переезд, весело и грозно покривая:

- Всех перережу! У меня ножик за голенищем. Всех перестреляю, у меня пулемет на светелке!

Но прохожие по сторонам не шарахались, поскольку все знали, что сапог Дмитрич отродясь не носил, а, значит, и голенищ у него нету. И про пулемет погибает, поскольку светелки тоже в доме нет.

Дом стоял на крайней к полю улице и был настолько мал, что казался игрушечным. Дядька Генаша приближался к калитке, осаживая и резко меняя настроение. Метров за пять до отводка жалобным, покаянным голосом призывал: «Шурочка! Я заболел, Шурочка! В последний раз, Шурочка». Маленькая Шурочка-воробышек выбегала из заулка, подхватывала грузное тело мужа, провожала домой, приговаривая: «Да что ты, старый, будет тебе убиваться-то!».

Дома разбойный мотив снова всплывал из успокоенных было глубин:

- Всех перестреляю! У меня пулемет на светелке! - громыал он.

Средняя дочка Валя подходила к отцу на цыпочках, шептала:

- Папка!

- О-о, Валюха-то моя. Чо, Валюхе-то моей, красавице? Вся в батьку Валюха-та...

- А ты бы, папка, не рассказывал всем-то.

- Чего?

- Да что у тебя пулемет на светелке. Ведь украдут.

Дядька Генаша хитро улыбался, прикладывая палец к губам, и умолкал. Мир воцарялся в доме.

Справедливости ради надо сказать, что такие вот заболевания были у дядьки Генаша не так уж часты. Шутка сказать, поднять девятерых на ноги. И работал дядька Генаша, не разгибаясь. И в мастерской, и дома, и в будни, и праздники, и в выходные и проходные с утра и до позднего вечера стучала, не останавливаясь, его зингеровская машина. Стучит она и по сей день, хотя уже нет той нужды, все подняты, все к делу приставлены, своими семьями живут. Стучит, не в силах унять той инерции, которую ей когда-то сообщили.

Давно уже отстроен новый дом. Большой и просторный на берегу речки Учи, которая тиха и мелководна, но каждый раз по весне поднимает свой норов и захлестывает синицынский огород и двор.

В ту пору, как половодье, прибывают в дом дети: красивые, статные, со своими невестками и зятевьями, внуками и правнуками. В доме ни пройти, ни повернуться. А народ все прибывает и прибывает. Двоюродные племянники и племянницы, троюродные внуки и внучки, и так далее, до седьмой воды на киселе. И всем здесь удивительно хорошо.

Сияющий дядька Генаша прохаживается из комнаты в комнату, потряхивает седой львиной гривой, извлекает из бездонных карманов платки для утирания слез, и, как встарь, ласково погромыхивает: «А вот я вас всех на

котлеты перемелю».

За свою долгую жизнь с Шурочкой дядька Генаша мухи не обидел.

...Перед самой войной наша большая родова вновь собралась вместе. Приехал и срубил в Пречистом дом замечательный плотник и столяр Петр Дмитриевич Синицын. Павел Дмитриевич поставил дом в недалекой от станции деревне. Тетка Фиса переехала со своим семейством. Что за сила собрала их вместе? Может быть, предчувствие близкой трагедии и стремление быть пред лицом ее вместе.

Сколько детишек наплодилось в эти годы - пересчитать трудно. У бабушки Маши - пятеро, у тетки Дуни - шестеро, у Фисы - четверо, у Петра - четверо, у Геннадия - девятеро. Это не считая двоюродных и троюродных родственников, выехавших следом. Я думаю, какой бы в обезлюдевшем Междуреченском районе дружный и испытанный колхоз был бы, не поставь коллективизаторы моих предков перед голодной смертью.

Дед мой Сергей Сергеевич ушел в военкомат в первые дни войны. Последний раз поклонился семье, дому, родне, и поглотил его серый вагон, умчал паровоз в бушующее пекло. Через месяц получила бабушка казенный пакет. Дед не доехал до фронта. На одном из перегонов настигли эшелон фашистские самолеты и разбомбили его в клочья. Где она, та братская могила, не знает никто.

Где-то в районе Бреста пропал в первые дни войны старший сын - Петухов Александр

Сергеевич, ушел на войну Николай Сергеевич. Забрали дядьку Ваню - мужа Анфисы Дмитриевны. Вскоре и на него пришел казенный пакет: «пропал без вести». Ночью стоял на часах, а утром его не стало. Это обстоятельство оставило семью без всяких аттестатов, а впоследствии без пенсии. Тетка Фиса одна убивалась, тянула семейный воз. И лишь однажды, устав до смерти, обругала она сгинувшего без вести мужа. Но спохватилась и целое воскресенье простояла в церкви, замаливая этот нечаянный грех.

Старшим в семье был Николай, Юрка - годом моложе. На картошке с крапивой богатырем трудно вымахать. Оба были малы и худосочны. Уже как-то после войны взяла моя бабушка Юрку в гости в Вологду. Сели в купе. Юрка закинул нога на ногу, достал кيسет, свернул в два пальца козью ногу и задымил.

- Ох, ты, супостат, - заругалась бабушка. - Брось сигарку. Ведь по детскому билету едешь!

Но парни хоть и малы были, а сноровисты. У Николая вообще руки золотые. И обувь починить, и валенки подшить, и пилу развести... Была в ту пору в селе инвалидная артель, где горшки глиняные лепили да обжигали. Николай там с двенадцати лет копейку зарабатывал. А в тринадцать поставили его директором мастерской. Слово-то какое - директор! Тетка Фиса от радости как на крыльях летала. А вечером собрался обсудить это событие весь род. Решили молодому начальству справить новую одежду из

старого пальто. Дядька Генаша обмерял шуплую фигуру Кольки-директора и сшил к утру замечательного объема галифе на вырост, которые составили бы честь не только директору мастерской, но и целого завода. Дядька Павел стачал парню сапоги из старых кроев, тетка Дуня картуз принесла украдкой от хозяина.

Но директорствовал Колюха недолго. Отпетые головы - инвалиды сбили парня с толку. Сначала устроили сабантуй по поводу восхождения на пост, потом похмелялись с неделю.

Как-то прибегают к тетке Фисе соседки:

- Фисуха, директор-то твой между селом и станцией в канаве лежит. Иди забирай.

Тетка Фиса курицей-квохтой понеслась к селу. Отыскала Колюху, перекинула через плечо и принесла его домой во всей начальственной экипировке.

Спустя какое-то время заходил вокруг мастерской милиционер. Отпетые головы, оказалось, продали на сторону дрова, которые были заготовлены на обжиг горшков. Собрались было судить директора за растрату, но прокурор, вызвавший его на допрос и увидевший перед собой мальчишку, утиравшего рукавом раскиснувший некстати нос, только рукой махнул и сам полез в карман за платком, чтобы утереть свою слезу.

...А война была совсем рядом. То и дело налетали самолеты и бомбили составы. На станции было голодно. Но вот однажды бомба попала в поезд с перловкой, и станцию за-

сыпало крупой. Кто знает, может эта перемешанная с песком крупа, или курицы тетки Дуни, или корова бабушки Маши, на которую по летам косили всей родовой, и помогли выжить и сохранить для будущего молодую поросль. Как страшный сон, миновала война. С мешком за плечами прошел неспешно к своему дому дядька Вася Пахомов, один из немногих уцелевших, и тетка Дуня с воплями выскочила его встречать.

В свое время ей не терпелось замуж выйти. Все бабушку мою торопила. Та постарше была, а в деревне «через сноп не молотят». Вот и вышла тетка Дуня за Василия Пахомова, мужика прижимистого, скуповатого. А у тетки Дуни характер тоже не мед. Так что у них, что ни день, то малая война. А когда и в самом деле провожала мужа на фронт, голосила на всю улицу, убивалась.

Тот на службу попал при полевой кухне. Три года у котла провоевал и первым домой отправился. За три года мешок крошек накопил для куриц. И вот тетка Дуня заметила из окна, что муж возвращается, заголосила, запричитала радостно. Но дядька Вася остановил ее.

- А ты, Дуня, куриц-то кормила ле? - спрашивает строго.

Та аж с лица спала:

- Нет, леший понеси, тебя дожидалась!

...Почему ослабевают вдруг кровные связи? Что гонит детей из-под родительских крыш? Легкость жизни или наоборот трудности ее?

В пятидесятые годы начали разлетаться из гнездовой родных Синицыны, Петуховы, Пахомовы. Не удержать. Бабушка моя к тому времени на пенсию вышла, за нею и сестры. Вокзал да поезд - дом родной. Надо род спасти, надо братьев и сестер кровными узами вязать. Не время по свету перекаати-полем без роду и племени болтаться.

Бывало одна с поезда сходит из Мурманска, другая садится, в Сибирь правит. А уж бабушка моя всех перекрыла. С весны огород посадит, осенью картошку выкопает, а все остальное - в дороге.

Как-то была в Ленинграде, и занесла ее нелегкая в Пассаж. Народ кругом в пробеге бежит, никто словом не обмолвится.

То ли дело на родном Пречистом. Разве кто пройдет мимо, не раскланявшись:

- Доброго здоровья, Марья Дмитриевна!

Скучно бабушке, досадно: ни одного знакомого, приветного лица. И только видит она, что напротив ее стоит бабка в плюшевой жакетке, катаниках с калошами, в полушалке и в руках котомку с луком держит. Да такая родная да своя - не высказать.

Всплеснула моя бабка руками:

- Фисуха! Ты-то откуда взялась?

Бросилась было обнимать да лбом в стекло стукнулась. А народ, что кругом был, захохотал: что это бабка вздумала со своим отражением в зеркале обниматься?

Да, кому слезы обидные, кому смех. И все-таки приятно встретить в чужом городе родимого человека.

...Сестры держали крепко кровные связи. Лишь благодаря их трудам неустанным, все мы знаем друг друга, помним, в праздничных гуляниях, собираемых опять же ими неутомимо, редко, но встречаемся.

Но вот успокоились все трое. И бабушка моя, умирая, как эстафету передала моей матери не выпускать из рук родственных уз. И теперь уже мать моя колесит по просторам Отечества, верная своему обету...

Я стою у вагонного окна не в силах унять беспокойной тревоги и предчувствий. Трудное время грядет. Наверное, пора сойти на станции Пречистое и мне.

КОЛЬКА ПЕТРОВИЧ

Жарким летним днем отправился я со своей будущей женой в ее деревню свататься. Автобус довез нас до центральной усадьбы колхоза, а дальше надо было идти километра три пешком. Природа благоухала. Цвели цветы и пели птицы. Но мне было не до того.

Я уныло брел по дороге и никак не мог представить себя в роли жениха: что нужно делать, чего говорить, как называть предполагаемых тестя и тещу, как поступать, если тебе вдруг откажут. Тем более, по агентурным данным, было известно мне, что я не первый желающий, что и до меня были в дому претенденты, выставленные с позором: не по себе дерево рубили.

Невеста моя в ту пору закончила университет, работала в районной газете, что было первой гордостью родителей. Вся округа знала, что Николая Виноградова старшуха может кого хошь в газете пропечатать. Были еще две дочери. Одна в Москве на самолетах стюардессой работала - также предмет гордости, а у младшей, Киры, все пути в знаменитости были впереди, школу заканчивала.

И еще было известно мне, что всю жизнь мечтал Николай Петрович Виноградов сына иметь, но вот не получилось с сыном. Когда родилась третья дочь, был Петрович в дальнем рейсе и домой вернулся уже под утро да к тому же изрядно выпивши. Скинул на крыльце сапоги, а тут теща в дверях встала:

- С прибылью тебя, Николай!

- Сын? - вскинулся Петрович.

- Да уж не знаю, как и сказать, - запричитала теща.

- А-а-а! - догадался Петрович. - Пропади оно все пропадом. Застрелюсь!

Схватил ружье и в одних носках ударил вдоль деревни по осенней разбитой дороге в лес.

Брат Геннадий, увидев в окно старшего, бегущего в носках к лесу и с ружьем, доложил супруге:

- Слышь, Паня. У Николая-то опять дочка родилась.

Вернулся он часа через полтора успокоенный. Деловито выстирал на пруду носки, развесил на заборе сохнуть, пошел в дом.

- Ладно. Пусть будет Кира, - сказал, пог-

лядев на прибыль.

Кирой звали в заготзерне приемщицу хлеба, которую очень уважал Петрович. Она была строга, ходила в белом халате и ловко обращалась в лаборатории с колбами, ретортами и реактивами.

Так вот и стал жить Петрович в женском коллективе, надеясь обрести мужскую поддержку уж только в зятевьях. И по всем данным выходило, что первый зять должен быть у Петровича солидным: либо начальником, либо военным. А у меня еще не росла борода, портфеля не было, и в воинском учете значился я нестроевым.

Вот с такими нехорошими мыслями брел я в деревню, когда неожиданно взвизгнули сзади тормоза, и из клубов пыли через минуту обозначился выдавший виды колхозный грузовик. Хлопнула дверка, и из кабины выскочил на дорогу коренастый, бравый мужичок в кирзовых сапогах, синих галифе, шоферской фуражке с лакированным козырьком.

Он, видимо, догадался, кто я такой, и, внутренне собираясь, думая все-таки, что я хоть и невзрачен на вид, но всяко какой-нибудь начальник, протянул руку.

- Здравствуй, Николай Петрович! - сказал я.

- Колька! - то ли поправил, то ли представился он, я не понял.

Но было в этом представлении не столько унижающего, сколько напускной бравады. Мол, это вы все там Николай Петровичи, а

у нас запросто, - мы тут все Кольки, хотя и сами с большим начальством ручкались, а вот не чинимся.

До меня все это дошло потом, когда он привез нас домой и стал знакомить с семейством.

- Это моя жена Маруся! - показал он на худенькую тихую женщину в белом платке. А это, - показал на меня, - Николай Петрович!

И так всем по очереди родственникам представлял он меня своим именем-отчеством.

...Сошлись мы с ним быстро. Пока собирали женщины на стол угощение, пошел у нас разговор про охоту да рыбалку. Ружьишко у меня было со сломанной ложей. Договорились: «Сделаю лучше заводской». Да в районной газете была у меня напечатана заметка про то, как один мужик медведя убил. На том и сошлись.

Ну а уж потом, в застолье, у всех языки развязались. Пошли рассказы, воспоминания, анекдоты. Выпито было уже изрядно, когда поднялся над застольем Петрович и, ожидая полной тишины, поднял руку:

- А я вот, граждане, доложу вам про такой случай.

Народ заулыбался и притих.

- Стояли мы в мае сорок пятого в немецком городе Веймаре. Понятное дело, такую войну одолели. Каждый день праздник. Ну и собрались как-то четыре генерала: русский, французский, английский и американский.

Выпили, значит, по стакану коньяку и заспорили...

Да, вот сейчас я думаю, какой артистический талант пропадал в Петровиче. А может, это и не артистизм вовсе, а самая, что ни на есть, непосредственность русского человека.

Вот он в лицах изображает генералов. И видишь: да, это точно английский генерал, а этот - французский, ну, а этот вылитый американец.

Петрович уже вошел в азарт, пораздвинул стулья, пространство себе освободил.

- Заспорили, который солдат лучше. Понятно, что лучше нашего Ивана солдата нет. Но решили сделать испытанье.

Петрович сел на стул и тут же изобразил английского генерала - прямого, чопорного и с моноклем:

- Ну-ко, Джон, зайди сюда! - крикнул английский генерал.

Тут Петрович сорвался с места и в один миг оказался за дверями, которые через секунду отворились, и на пороге предстал английский солдат в одежде Петровича.

- Слушаю, господин енерал! - закатывая глаза и вытягиваясь, доложил он.

В следующее мгновение Петрович уже сидел на стуле и изображал английского генерала.

- Ну-ко, Джон, прыгай в окошко!

- Никак нет, господин енерал, - звонко рапортовал Джон-Петрович.

- Это почему? - возмутился Петрович-генерал, вскакивая со стула.

- Война кончилась, господин енерал! - звонко и радостно отвечал Джон.

- Выйди вон! - взъярился генерал и упал поверженно на стул.

Петрович скрылся за дверью, но тут же явился на стуле в качестве французского генерала. История повторилась, были выгнаны за двери французский Жан и американский Джим. Настала кульминация.

Усталый русский генерал-Петрович усталым голосом кликал Ивана.

Появился Иван с некоторой небрежностью в одежде и спокойным голосом буднично ответил:

- Чо, таш енерал?

- А прыгай давай, Ванька, в окошко! - приказал последний.

Замерев на секунду, что-то соображая, и вдруг рванув на груди рубаху так, что пуговицы брызнули по всей избе, русский солдат-Петрович заметался по дому, приседая и широко раскидывая руки, с отчаянным криком:

- Ох, мать твою так, в которое-е?!

И он уже подскочил к полураскрытому окну, и еще мгновение, кажется, сиганул бы в него, но тут нервы мои не выдержали, и вскочив со стула, я закричал:

- Отставить!

Петрович резко обернулся и, сияя радостно хитрыми глазами, приложил руку к «пустой голове»:

- Слушаю, тащ енерал!

...Снова начались тосты и заздравницы. Я по причине молодости и стремления выглядеть положительно пил одно самодельное пиво и к концу застолья едва не угодил под стол. Петрович тоже изрядно замочил событие. Мы сидели с ним на веранде, и он в порыве откровения рассказывал о своей судьбе.

- Толя, - говорил он мне. - Зять мой дорогой, Анатолий Константинович! Не могу! - Слезы катились по его глубоким бритым морщинам. - Я всю войну прошел. А кто я для них теперь? Колька. Шоферюга.

- Видишь? - он оттянул разорванную рубашку. Под левым соском красными лучами сходились рубцы.

- Фашист. Двадцать второго июня. Штыком. Здоровый был, рыжий. Но я его опередил... Я весь покалеченный войной.

Он уронил голову на руки, сидел долго. Потом резко вскочил:

- А где они были? По домам сидели, а теперь на машинах легковых дам катают. Колхоз развалили. По весне половину льна сожгли. Прокатали, язвы их...

...Пока сидели на крыльце, стемнело. Ночь выдалась теплая, беззвездная. Вышли женщины из дома, позвали спать. Я уже и так клевал носом, а Петрович все топтался посередь крыльца, махал нервно руками, что-то доказывал, с кем-то спорил, скрипел зубами.

Спал я на сеновале часа четыре. Разбудил петух, заоравший внизу надсадно. Болела голова, хотелось пить, и я полез по скрипучей лестнице на коридор.

Вышла теща, напоила водой из ковша.

- Только угомонился, - показала она на крыльцо. - Всю ночь воевал. Уж сколько лет войне-то, а он все воет. Ох, горе мое...

Петрович спал на старой «атаманке», сделанной им в давнюю бездорожную зиму еще в пятидесятых, в неудобной позе, поджав под себя ноги и выкинув в сторону раненую, в рваных шрамах, руку. Лицо его было беспокойно. Видимо, мучили тяжелые сны.

Я сел на ступени и смотрел, как всходит солнце, как туман поднимается с низин и крадется тихо огородами к деревне, вспоминал вчерашнее.

...Перед самой войной стояли они в Алигусе. Петрович уже заканчивал «срочную» и всеми мыслями был дома. В ту ночь снилась ему родная деревня. Он в гражданском «пинжаке», галифе и надраенных яловых сапогах, Генаха, младший брат, батько Петро - борода седым клинышком, как у Калинина, рубили новый дом. Быстро так рубили. Уже мастицу положили, под крышу подвели, а Генаха и говорит: «Ровно, гроза идет. Гли-ко, Колюха, над Прониным что делает!». Поглядел Николай, и впрямь - над старым барским парком черным-черно, молнии полыщут, грачи носятся стаями. Глядит, а и не грачи этот вовсе, а самолеты. Маленькие, словно

игрушечные. Он на срубе стоит, а сруб шатается, земля ходуном ходит.

Батько Петро говорит: «Худо, ребята! К войне.»

...Я старался представить Петровича молодого, в солдатском «хэбэ», в обмотках, бегущего в первую свою штыковую атаку. Представить бредущего по знойной дороге с хлюпающей в ботинке кровью.

...Плен. Голое поле, обнесенное колючей проволокой. Вышки с охраной. Стылая земля, ветер, сосед, окоченевший, с мертвыми открытыми глазами...

Но вот проходит по деревне пастух с колотушкой. Коровы заспанные бредут лениво серединой улицы. Вылезает собака из будки, зевая и потягиваясь, виляет хвостом и тычется холодным носом в колени. Где-то на краю деревни стучит, набирая скорость, колодезный ворот, и бумкает глухо ведро в стылой глубине колодца. Начинается новый день. И вхожу я в этот день другим человеком, словно влили в меня новой крови, дали и впрямь частицу из своего имени.

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

То было необычно жаркое лето. Жара стояла такая, что к середине лета лист на деревьях начал желтеть, а на дорогах образовались пуховые перины пыли. Пройдет по

такой дороге машинешка, и над всем миром поднимается гигантская пылевая завеса: ни дышать, ни видеть. И висит с полчаса, не меньше, пока следующая машина не проплывает этой пылевой рекой. А уж что до паутов, оводов и прочей жужжащей и жалящей напасти, то и говорить нечего. Скот в реки и пруды забьется и не вылезет день-деньской - живи среди лета без молока. Человек, тот и минуты спокойно не простоит - дергаешься, как паяц. Только рот откроешь, как тут же какую-нибудь муху или слепня сжуешь.

Вот в такую пору и приехали мы «со товарищи» в один недалекий от Вологды совхоз пошабашить. Нужно было забетонировать совхозный машинный двор. Работа - не позавидуешь - упираться надо, как хорошему коню. Но зато денежная.

Было нас трое. Я поехал по причине скудости литературных трудов, Серега Васильев, отпетая головушка, скрывался от притязательств трех осчастливленных им жен, а наш бригадир Валерка Белоусов, парень лет сорока с уже округлившимся начальственным пузцом - этот был из строительной мафии. Ему были нужны деньги на круиз по Волге с некоей молодой особой. Это он договорился со своими сановными дружками преферансистами из строительных кругов, что в течение недели в это хозяйство они будут гнать машины с дефицитным бетоном, а наше дело - знай таскай в поте лица виброрейку да равняй бетон по площадке.

Вывалились из угарного автобуса уже под вечер. Центральная усадьба представляла вид старинного села. Кое-где вдоль дороги стояли липы неохватные с могучими кронами, виднелось несколько старинных кирпичных строений, то ли амбаров, то ли купеческих лабазов, рубленые дома в два этажа с мезонинами еще крепко стояли на каменных фундаментах, а на околице в посохшем парке возвышалась порушенной главой громада церкви, похожая на корабль-парусник, выброшенный штормами на берег. Но даже обезглавленная и обезображенная, она притягивала к себе взор, и казалось, что село, с его старыми строениями и новыми брусowymi бараками, припадало к ее величию и многострадальной мудрости.

...

С директором разговор был недолгим. Он пошарил в штанах и выдал ключ от нашего будущего жилища. Да еще он выделил в провозатые агрономшу по защите растений - юное создание - маков цвет.

Предводимые юной защитницей растений, мы спустились прежде в глубокий овраг, где на краю небольшого ручья стоял ветхий амбарчик с дверьми на одной петле. В амбарчике отвратительно пахло, и лежала какая-то химическая мерзость, какую применяют в хозяйствах для борьбы с вредителями вроде колорадского жука или долгоносика. По приказу девицы мы откололи от этой мерзости изрядный кус, бросили его в мятое ведро, тут же валявшееся, залили водой из

ручья и полезли за «цветом маковым» по крутому косогору оврага к стоявшему на его краю бараку на два входа.

Ключи не потребовались, двери были помыты, мы перешагнули сенцы и остолбенели. Все пространство комнаты от пола до потолка было заполнено киселеобразной, звенящей комариной массой. Такого я еще не видывал в жизни и, содрогнувшись, отступил.

Но защитница растений - «маков цвет» - оказалась девицей расторопной, живо наломала в кустах веники и торжественно вручила нам. Нужно было раствором той мерзости из ведра опрыскать комнату.

- Через полчаса они все передохнут, - уверенно сказала она и ушла. Красивая, деловая и недоступная.

Сдерживая тошноту, мы тщательно обработали свое жилище, плотно закрыли двери и если на крылечко вечером, ожидая результатов.

На соседнем крылечке, вальяжно обмахиваясь ветками, сидели две молодухи, уже начинавшие полнеть, но не потерявшие женской привлекательности. Видно было, что они навеселе и всячески выказывают желание завязать с нами знакомство.

Старый ловелас Серега Васильев мигом извлек из рюкзака бутылку «Кавказа» и соколом перелетел на соседнее крылечко. Мы же с Валеркой поднялись и благоразумно отправились прогуляться деревенской улицей.

В клубе шло комсомольское собрание. Десятка два молодых парней, по-видимому, механизаторов, слушали докладчика - нашу проводницу, юную защитницу растений и по совместительству комсомольского секретаря.

Речь шла о предстоящей заготовке кормов и обязательствах каждого механизатора на этот «ответственный период». Ребята не куражились, подходили к столу и охотно ставили свою подпись в толстую тетрадь, где, видимо, было проставлено задание для каждого. Лишь один из них сидел неподвижно, безучастно поглядывая в окно. Я пригляделся к нему и с удивлением распознал в механизаторе миловидную девицу, одетую в механизаторский комбинезон и лихо надвинутый на глаза кожаный шоферский картуз.

Собрание заканчивалось и, более повинувшись своему профессионализму, я решил подойти к секретарю-защитнице растений и потолковать о сельской жизни, молодежи, а заодно и узнать о девице-механизаторе. Не часто их можно было встретить по нашим деревням.

Но даже моя попытка приближения к «цвету маковому» была встречена столь многозначительными взглядами мужского населения этого зала, что я передумал брать интервью, с чем Валерка так же горячо согласился.

Мы вышли из клуба. На крыльце толкалась курящая и гогочущая толпа деревенских парней, надменно поглядывавших на

пришельцев, то бишь на нас с Валеркой. На перилах сидела и девица в комбинезоне, курила папиросу и шурилась насмешливо.

Непризнанные и непринятые, мы отправились с Валеркой восвояси и нашли Серегу в блаженном расположении духа на крыльце барака.

- Тут сегодня ночью договорился с одной, - горделиво сообщил он. - Вон там, на сеновале... - И он кивнул в сторону полуразвалившегося сарая на задворках барака. - А комары все сдохли.

И правда, ни одного комара не зудело в комнате. Зато под ногами они шелестели, словно опавшая листва. Мы смели их в кучу к порогу и поспешили завалиться на нары. Утром рано нужно было уже принимать бетон.

Но спать нам не дали. Не успели мы задремать, как в сенях послышались тяжелые шаги, такие, что казалось, сам барак зашевелился. Дверь шумно отворилась, и на пороге в неясном свете летней ночи разглядел я две гигантские фигуры. В руках одной неверно сверкал топор, вторая держала что-то вроде монтажки или небольшого ломика.

- Кончай ночевать! - раздался грозный рык.

- А ну, городовые, вы сейчас у нас попляшете! - вторил ему другой, не менее грозный пьяный голос.

- Проходите, проходите, мужики, - приветливо, но с дрожью в голосе отозвался Валерка. - А мы тут задремали, завтра рано вставать...

- Бабы наши где? - не слушали его гости. Теперь мы по-настоящему разглядели двух здоровенных мужиков в механизаторских, вонявших мазутом, робах. Стало тоскливо.

- Какие бабы? Бросьте вы, мужики! - продолжал Валерка, сдерживая волнение, устанавливать дипломатические отношения. - Мы люди солидные. Вот к вашему директору со всем, так сказать, почтением, отнеслись. Помочь решили.

- Ты нам лапшу на уши не вешай! - рычал второй. - Ежели сейчас у вас баб своих найдем, всем тут кранты будут!

Они бесцеремонно охлопали наши лежбища, заглянули под нары, на кухню, в сени и ушли, ни слова не говоря, лишь гроыхая сапогами, словно они были сапогами каменных командоров.

Мы едва перевели дух. Хорошенькое начало шабашки.

- Серега! - скрежетал зубами Валерка, - если ты хоть еще одной бабе тут подмигнешь, вылетишь! Понял?

- Ыгы! - односложно отвечал Серега. А что он еще мог сказать?

Мы натянули на головы простыни и кое-как задремали. Проснулся я минут через двадцать. Тело мое страшно зудело. Даже под простынью я был вплотную облеплен комарьем. Они впешую между складками простыней пробирались ко мне и ненасытно впились в тело. А воздух, как и вечером, стоял от комариных пиратских песен.

- А-а-а! - раздался вдруг истерический крик. Это Серега, не выдержав пыток, в одних трусах ломанулся через сени, и вскоре топот его босых ног стих в ночи. Мы с Валеркой тоже выскочили на улицу.

- Пойдем за ним, - попросил я. - Может, у него крыша поехала.

Утопая в пыли босыми ногами, отмахиваясь от наседающей кусающей твари, мы прошли на край деревни и нашли Серегу сидящим в пруду. Время от времени он нырял в воду с головой.

- О-о, кайф! - простонал он, - когда мы приблизились. - Лезьте сюда. Я балдею.

Валерка подумал, подумал и тоже полез в пруд. Но это было не для меня. С детства я боюсь жирных прудовых пиявок. Бр-р-р.

- Нет, - сказал я, - вы сидите тут, сколько хотите, а я одеваюсь и иду гулять.

Я вернулся в барак, оделся и, выходя из сеней, наткнулся на старенький велосипед. Он был на ходу и даже колеса были накачаны.

Велосипед! Вот лучшее спасение от комаров. Я выехал за деревню и отправился куда глаза глядят. Правда, они уже плохо глядели - наступала самая середина ночи, и дорога едва угадывалась впереди. Так проехал я проселками, меняя направление, километра три, то поднимаясь на холмы, то опускаясь во влажные долины, наслаждаясь всей душой и телом появившейся, наконец, прохладой.

Стало совсем темно. Тяжелая туча уверенно затягивала небо, и все в природе угомонилось.

дось вдруг, притихло в ожидании чего-то большого, строгого, важного.

Выскочив в очередной раз на пригорок, я увидел тут маленькую деревушку, вернее один ее крайний дом, единственно ярко освещенный. Свет из окна падал во двор, посреди которого виднелась показавшаяся мне знакомой огромная фигура в мешковатой механизаторской робе. Фигура, ухватив за волосы другую знакомую уже по крыльцу особу, охаживала ее ременными вожжами.

- Ой, убивают! - истошно кричала баба. - Ой, спасите! Ой, жизни мне нет от него, окаянного!

Кричала она очень убедительно и громко. У меня даже сердце захолонуло. Но почему-то ни одно окошко ответно не вспыхнуло в соседних домишках.

И все же я решил вмешаться. Я подъехал к изгороди и окликнул как можно решительнее:

- А не скажете, что это за деревня?

Мужик опустил вожжи, но женщину продолжал держать за волосы.

- Угрюмово деревня! - почему-то удивленно отвечал он. - А тебе какую надобно?

- А мне в Марково надо попасть!

Он задумался основательно, не выпуская волосы жены из своей гигантской клешни.

- В Марково так езжай левее, - наконец, ответил мужик. - Через полчаса и будешь в Маркове, - и половчее перехватил бабью косу.

Я не знал, как быть дальше, чем помочь этой несчастной женщине, но та подала вдруг

решительный и даже сварливый голос из своего полусогнутого положения:

- Не слушай ты его, непутевого, парень. Он тебе насоветует. Он у нас сроду такой, неваровый.

- Это я неваровый? - возмутился мужик и выпустил свою супружницу.

- Неваровый и есть, - затараторила та, отскочив на безопасное расстояние. - Ты погляди, гроза настает. Как раз под грозу мужика засылаешь, зашибет молнией, кто отвечать будет?

Она приблизилась к изгороди и показала на сбегающую с пригорка тропу.

- Вот по ней и правь, перелесок проскочишь, чуть полем, и будешь в Маркове. Тут в два раза короче.

Мужик ничего не сказал. Я оттолкнулся от жердины и погнал свою технику в низину, где уже густел ночной туман.

- Ой, убивают! Ой, ирод, полудурок окаянный! Ой, неваровый! - услышал я уже под горой.

Ей вторил басовитый, солидный речитатив:

- Пить надо мене. Ишь, удумали в коровьих кормушках спать. А я тут тебя по всей округе ищи!

Через мгновение я уже въехал в лесную чащу. И тут полыхнула ослепительно молния, осветила каждое дерево, каждый куст и былинку и после этого долго, долго плыло в глазах негативное изображение деревьев, кустов и травы. С грохотом и треском порва-

пось небо. А дальше я уже ничего не видел: такая стояла канонада, так ярко сверкали молнии, что зрение отключилось, и я потерял и тропу, и направление, оставил велосипед и сел в высокие заросли дягиля.

Вскоре на землю обрушился ливень, такой обвальнй и густой, что скрываться от него не было никакого смысла да и желанья.

...Гроза скоро кончилась, тучу унесло и стало светло. Отыскав велосипед, я пошел на голос звонкого ручья. Из лесной чащи выезжал его руслом. Дно было на удивление твердо, я чувствовал, как колеса мелко дрожат по галечнику, весь ил, видимо, вынесло только что отшумевшим ливнем.

Лес отступил. Передо мной лежала умытая дождем долина. Сразу от лесной опушки начиналось буйное клеверное поле, покрытое алыми и бордовыми головками медоносных цветов. На конце поля все еще провисали порядком изреженные тенета уходящего дождя, сквозь их видна была деревня, светившаяся пастельными серо-лиловыми тонами строений.

Весь мир разом изменился. Поле парило теплым парным туманом. Там, в дебрях его, вдруг ударил свою любовную песню дергач, ему отозвался второй, третий. Их примитивные скрипучие песни не показались мне на этот раз нудными - столько в них было чувственной страсти. Я упал в исходящее медами клеверище и словно слился с природой, глубоко и размеренно дышавшей энергией

любви и плодородия. Ближний лес звенел птичьими трелями, в любовных песнях заходились дергачи, и неожиданно вдруг забился и зазвенел надо мной в середине этого измученного жарой, оводьем лета, весенний певчий жаворонок.

Кажется, поднялся с этого поля я совершенно другим человеком. Я увидел мир по иному и объяснить этого не мог, не мог осмыслить этой новизны, но показалось мне что я услышал вдруг, как растет у тропы рожь, выходя из темно-зеленого стебля молочным, еще не видевшим солнца колосом, услышал как развернулся бутон клевера, как в самой земле началось движение живых соков, вдохнул нечаянные доселе ароматы животворения.

...Тем же ручьем добрался я до деревни. Она была тиха, словно сон младенца, только ручеек, пробежавший деревней, чуть слышно вызванивал, да редкая капля, не успевшая скатиться с широких ладоней липовых листьев, падала иногда в траву с тихим шорохом.

Было, наверное, около четырех часов. Нужно было выбираться в Марково, приводить себя в порядок, иначе какой же ты с утра работник. Но куда править, куда брести - я не представлял вовсе.

Кого-то надо будить. Я посидел на заваulinке одного из домов с высокой подклетью, веселыми занавесочками на окнах и, наконец, насмслился, дотянувшись до стекла:

Грякнуть палкой в окошко.

Там в чуткой тишине дома я услышал хруст доломленной постели, чьи-то босые ноги опустились на пол, скрипнули половицы, послышались шаги, приближающиеся к окну, вот откинулась занавеска, легко распахнулись ставорки и... сверху ко мне тяжело упали густые волны русых девичьих волос. Я вздрогнул: на меня смотрели чисто и безмятежно прекрасные голубые глаза в обрамлении пушистых длинных ресниц, на припухлых губах лежала приветливая улыбка, словно меня ждали здесь и были уверены, что вот-вот я появлюсь... Таких красивых глаз и такого прекрасного лица я не видел в жизни.

Я топтался под окном, не зная, что говорить. Девушка ждала.

- В Марково мне, - наконец, прохрипел я, стыдясь своего грязного и мокрого вида, спутанных, забитых мелким мусором, волос, небритости.

- Это туда, - чуть махнула она рукой и улыбнулась ласково и грустно.

Я мотнул в благодарность головой и обреченно потащил свой велосипед по раскисшей враз и ставшей непроезжей дороге.

...С утра вновь установилась жара. Бетон, как и договаривались, пошел рано и плотно, так что к обеду мы все трое едва держались на ногах. Однако, сумели и порядочную площадь совхозного двора забетонировать.

К обеду появился директор, привел с собой вчерашнюю девицу-механизатора, на-

смешливо поглядывавшую на нас.

- Вот вам личный шофер, - сказал он. - Пусть для начала отвезет вас искупаться на реку, а то к вечеру вы спекетесь.

- А ты, Катерина, - строго сказал он, смотри у меня, не балуй!

На старом грузовике мы скоро примчались к веселой речушке, бросились в ее прохладные струи.

Катерина сидела на берегу, не обращая на нас никакого внимания, лишь покуривала свою папиросу да сплевывала табачные крошки.

- Катюша! Давай с нами, - кричал Валерка, пытаюсь подобрать свое начальственное пузцо. Серега грудь колесом выкатывал, глазами сверкал. Катерина лишь презрительно искоса поглядывала в нашу сторону и молчала.

- Серьезный кадр!, - сказал Серега. - У меня такие были. Но нет неприступных крепостей.

- Я тебе покажу крепости, - беззлобно сказал Валерка. - Трудовая дисциплина выше всего.

Однако уже на обратном пути Серега сидел в кабине рядом с Катериной и что-то увлеченно рассказывал ей всю дорогу.

Скоро пошел бетон. Тут уж не до крепостей. Только под самый вечер удалось нам разогнуть спины и вытереть соленый пот. Ноги едва держали. Но приехала Катерина, и снова мы отправились к благословенной

речке, снимавшей усталость, будто это был целебный источник. И снова всю обратную дорогу Серега болтал без умолку в кабине с нашей водителемницей. Но Катерина была, как казалось нам, неприступна и холодно насмешлива.

Въезжали в село. У сельповской лавки вдруг резко затормозили. Серега выскочил из кабины, исчез в дверях лавчонки и минуту спустя уже вышарашился оттуда, неся охапку бутылок мутного «Кавказа».

- Ты что, ошалел? - закричал Валерка. - Работничек! Выгоню!

- Гони! - неожиданно зло отвечал Серега. - Ты думаешь без будермаги тут уснуть можно? Опять в пруду ночевать?

Пока шла перебранка, наша Катерина тоже вернулась из лавки и бросила равнодушно на сиденье несколько бутылок «Кавказа».

...Ночью Серега исчез. С вечера он изрядно зарядился закупленными в лавке «чернилами», и мы полагали, что будет в отключке до утра. Прошлись ночной деревенской улицей, проверили пруд... Не появился Серега и утром, но разыскивать его уже не было времени. Плотно пошли машины с бетоном, мы с Валеркой вдвоем равняли массу, таскали тяжелую виброрейку, с тревогой ожидая нехороших вестей.

В обед приехал директор. Прошелся территорией, оставил свой след на свежем бетоне. По всему было видно - доволен.

- Садитесь! - пригласил он нас с Валер-

кой. - Отвезу на речку.

- А Катерина где? - спросил напряженно Валерка.

- А наверное, там же, где и ваш третий! - ответил рассудительно директор. Балует Катерина, будь она неладна! - добавил он с досадой. - Надо снимать с техники.

- Запила, что ли? - спросил я недоуменно.

- Не только запила, но я думаю, и загуляла, - сказал с досадою директор. - Вечером поеду, устрою выволочку, да и напарника вашего верну.

Все это было сказано так буднично и просто, что, пораженный несоответствием виденного и произнесенного, я всю остальную дорогу и весь остаток дня промолчал.

Поздно вечером, когда мы с Валеркой, кое-как устроив из простыней полога, уснули было, рядом с баракom остановилась легковушка, протопали сапоги по комнате, скрипнули нары. Серега вернулся молча, угрюмо.

Мы не стали ему пенять утром. Работали как-то ожесточенно и зло. В обед приезжал директор, отвозил нас на речку и в столовую. О Катерине мы не заводили речи. Лишь однажды у гаража появилась защитница растений «маков цвет» и вывесила на воротах «молнию» «Позор прогульщикам!», где среди прочих значилась и фамилия нашей Катерины.

...Я уезжал на два дня раньше срока. Ждала работа. Автобуса в этот день не было, и директор обещал выделить машину до рай-

центра.

В обед к нашему бараку подкатил грузовик. С удивлением я увидел Катерину все в том же рабочем комбинезоне, шоферском картузе, надвинутом на глаза. Она равнодушно взглянула на меня, попинала скаты и, бросив папиросу, полезла в кабину.

За всю дорогу мы не проронили ни слова. Не знаю почему, но я стеснялся этой девчонки. Более того, чувствовал нечто вроде ревности.

Скоро приехали. Я вышел у автобусной станции. Сухо попрощавшись, взял билет и вернулся на улицу. Машина все еще стояла, я взглянул на нее и потрясенно вздрогнул: откинувшись на сиденье, у опущенного стекла сидела та самая незнакомка из счастливого утра, показавшаяся мне тогда самой прекрасной женщиной на свете. По плечам ее струились тяжелые русые волосы, а глаза были задумчивы и печальны.

Через минуту мой автобус уже выруливал на трассу. А спустя лет десять в тяжелой болезни, полубреду, полусознании пришло мне снова это чудное видение: парящее туманом утро, неясный шорох постели, шаги босых ног по холодным половицам и эта манящая волна русых волос, и эти зовущие голубые глаза. Я понял, что это, должно быть, я прожил тогда лучшие мгновения.

ТАЙНА РУССКОЙ ПЕЧИ

С писателем Ярославом Головановым, популяризатором нашей науки, путешествовали мы по Вологодчине. Обкомовское начальство уговорило меня показать маститому литератору нашу деревню. Ярослава тогда из космоса потянуло на грешную землю: он писал серию очерков о Нечерноземье.

В конце концов надоело мне возить его по предписанным сверху передовым колхозам, и я предложил ночевать в неперспективной деревне. Тем более, недалеко у моего товарища пустовал по причине глубокой осени огромный дом.

Ярослав сторяча согласился, и вот мы уже топим в промозглой деревенской избе огромную, схожую с домной, глинобитную печь. Печь сожрала уже накладки три дров, напротив ее устья невозможно стоять, а в избе мерзкий холод, да и сама печь холодна, как могила.

- Ничего, - успокаивал я Голованова, когда скрыл трубу, и мы забрались на печь ночевать, - часа два как-нибудь выдержим, а потом здесь будет Африка.

Ярослав долго ничего не отвечал на мои бодрые прогнозы, но потом сквозь зубовную дрожь выдавил:

- Что ты такое говоришь? Ведь я по специальности теплотехник. Я у самого Королева в ракетном институте работал, и я прекрасно знаю, что если источник тепла ис-

сяк, начинается медленное остывание, а отнюдь не нагревание.

Я не возражал. А часа через два, мокрые, мы скатились с печи - жара там стояла чище африканской.

Возвращаясь в город из поездки, мы решили отобедать в кадниковской столовой. Взяли первое, второе, а вот третьего не оказалось вовсе: в столовой не было воды. А пить хотелось прежде всего.

- Девушки, милые, найдите чего-нибудь - в горле пересохло, - уговаривал я розовощеких молодых поварих.

- Есть чай, - наконец сказала одна. - Но холодный.

- А почему холодный? - дипломатично поинтересовался Голованов.

- А потому, что мы его в холодильник ставим, - строго отвечали девицы.

- А зачем в холодильник? - искренне удивился Ярослав.

- А потому, что воды нет, мы уже вам сказали, - начали наполняться раздражением наши кормилицы.

В глубокой задумчивости сели мы за обед. Когда дошли до чая, Ярослав заговорил:

- Сколько лет занимаюсь я научными тайнами, парадоксами мироздания, а вот этой логики постичь не могу: зачем чай нужно было ставить в холодильник?

- Какой все же ты непонятливый, - сказал я ему. - Они же тебе русским языком объяснили: воды нет.

До самой Вологды Ярослав обдумывал этот

силлогизм, потом сказал, обращаясь, наверное, сам к себе:

- Черчилль был прав, когда увидел зимой в Москве москвичей, евших на морозе мороженое. Он сказал: «Этот народ непобедим».

Я охотно согласился. А когда провожал Ярослава на поезд, он уже у подножки вагона тоскливо спросил:

- Ну, ты-то мне объясни: зачем им нужно было ставить чай в холодильник?

- Про запас, - просто отвечал я.

Так и уехал Ярослав Голованов, научный обозреватель «Комсомольской правды», с печатью неразгаданной тайны на челе.

ПАПА ТОЛЯ

Как-то в глухом Кич.-Городецком районе беседовал я в поле с пастухом.

- А я, парень, самого Дрыгина видал, - сказал вдруг с удовлетворением пастух.

- Ну, и как он тебе? - спросил я.

- Большой мужик! - уже восхищенно отвечал пастух. - Пасу это я тут недалеко от дороги и вижу: черные «Волги» одна за одной, а за ними наши колхозные «УАЗики» тянутся. Я сразу догадался, что к чему - начальство большое катит.

И вдруг останавливается. И выходит из передней этакий здоровый дядька, что памятник хороший, а за ним наше начальство челядью - и прямо ко мне. Подходит.

- Пасешь? - говорит. - Голос такой, как из бочки гудит. Я не оробел:

- Пасу!

- Ну, а с бабой-то еще спишь?

- С бабой? Исправно.

- Ну, - говорит, - молодец. - Паси дале.

- Большой был мужик, а простой. - И пас-
тух многозначительно замолчал.

Да, не то, что у нас нынче начальство пошло. Не начальство, а мелочь какая-то. Вот Дрыгин - это фигура. Скала. Двадцать с лишним лет руководил областью без провалов. Может быть, сегодня, благодаря прошлой базе, и тянемся еще.

Не демократ, конечно, крутехонек бывал, подчиненных особо не жаловал, а вот по-дижь ты, осталась в памяти людской по партийному боссу добрая грусть да еще множество рассказов и легенд - лучшая характеристика неординарной натуры.

...Как-то на бюро обкома партии одного номенклатурного работника утверждали на новую должность, которая тому не совсем по душе пришлась. Он и заартачился.

- Есть предложение снять с должности, исключить из партии. Кто «за»? - неожиданно предложил Дрыгин.

Проголосовали, понятно, единогласно. Ошеломленный чиновник брякнул:

- Я жаловаться буду!

Дрыгин усмехнулся:

- Жалуйся. Фиделю Кастро.

...Как-то Дрыгин прилетел в один из восточных районов области, не столь часто по-

сещаемых высокими гостями. Местное начальство разработало хитроумный план поездки «первого» по району, чтобы показать ему все лучшее и, как говорится, передовое.

Ехали мимо мелиорированного поля: мы, мол, тоже здесь не лаптем щи хлебаем. Просили остановиться, прогуляться по нему, оценить работу мелиораторов.

Вышли. Дрыгин прошелся полем и спустился в сухой канал водосброса. На дне его валялся скелет давно погибшего теленка.

- Это что такое? - сурово зарокотал «первый».

В свите быстро произошло перестроение. Шедшие сразу же за Дрыгиным «первый» района и предрик скрылись в задних рядах, а навстречу наливавшемуся гневом «папе Толе» вытолкнули молоденького смущенного председателя колхоза.

- Это что такое? - уже грохотал Дрыгин.

- Это, это, Анатолий Семенович, - заикаясь от страха отвечал председатель. - Это ископаемое...

Дрыгин хмыкнул и все же похвалил молодого председателя за находчивость. А иначе не миновать бы грозы.

Начальствующий гнев в те времена был в широком ходу. Гневались как большие, так и маленькие чиновники. Причем некоторые достигали истинного совершенства в «разгонах», «нахлобучках», «накачках», в широком ходу был художественный мат.

В одном из районов управлял тогда сельским хозяйством достаточно толковый, зна-

ющий дело специалист. Фамилии его я по понятным причинам называть не буду. Шла кормозаготовительная кампания. По местному радио регулярно выступали с ее обзорами первые лица района. Настала очередь и нашего героя. К вечеру он вернулся из поездки по району не совсем трезвым. Взял в кабинете сводки сельхозработ и отправился на радиоузел. Выпитое продолжало свое неприглядное действие. Девица-организатор схватилась за голову, но помешать выступлению было выше ее полномочий.

Однако начало было пристойным. Начальник управления назвал передовиков, похвалил показатели, выявил просчеты и, наконец, перешел к отстающим. А отставала половина района. И чем дальше углублялся наш эксперт в сводку, тем более и более голос его наливался справедливым гневом. А когда пошли хозяйства самые негодные, тут он как матерый руководитель не выдержал и перешел на художественный мат. А в этой области он был большим специалистом.

Начальника разжаловали уже на следующий день. Еще через день узнал об этом Дрыгин, запросил сводки по заготовке кормов в этом районе. Последние два дня свидетельствовали о большой прибавке сена и силоса.

- Специалист! - сказал одобрительно Дрыгин. - Нельзя такими кадрами бросаться!

Праздновали как-то юбилей знаменитого в прошлом колхоза «Родина». После торжества - банкет. Среди прочих гулял на банкете корреспондент областного радио, любитель,

чего уж греха таить, «вздрогнуть на халяву».

Однако дело корреспондентское незавидное - гуляй-не гуляй, а передачу сдай в срок. Тем более, если «первого» записывал. Тут уж умри, а утром выйди в эфир. Обидно. Все только гулять начинают, а он, считай, уж нагулялся. От этой обиды и вышел грех. Лишнюю, а может и две лишних опрокинул несчастный.

А тут в гармонию заиграли. Какой же русский усидит, когда кирилловская жарит. Пошел корреспондент в пляс да вприсядку. И такое коленце выкинет и этакое:

«Я и зайчиком,
Я и белочкой,
Почему не поплясать
С этой девочкой...»

Дрыгин у председателя спрашивает:
Кто такой пляшет?

- Журналист с Вологды.

- Пляшет, как пишет. Вот бы еще писал, как пляшет...

А корреспондент отплясал, стопку на верхосятку опрокинул, вышел на улицу - машина у подъезда. Сел на переднее сиденье и «отрубился».

Какое-то время проходит, появляется из дверей Дрыгин, садится на заднее сиденье, а шофера спрашивает:

- Это у тебя кто?

- Как? - испугался шофер. - Я думал, что это вы его послали...

Пригляделся Дрыгин:

- А-а... Плясун. Ему тоже, видать, в Вологду надо. Поехали.

А в городе:

- Меня домой, а его буди. А коль не добудишься, свези туда, где взял.

Так и догулял ту ночь корреспондент с колхозниками. Но это была его последняя ночь в качестве радиийного журналиста. Передачу-то, видишь ли, вовремя не сдал.

...Во времена давние, когда еще не было кавалькад черных машин и вертолетов, личного самолета, встречали проще и демократичнее.

Обед в доме председателя дальнего колхоза. «Пред» - невысокий шустрый живчик, рыжий, словно уголек из печи. На столе щи, пироги, гора яиц в тарелке.

Хозяйка, подавая на стол, взглядывает с робостью в глаза «первому»:

- Анатолий Семенович! Разрешите слово сказать.

- Говори, в чем дело - без утайки.

- Да уж не знаю, как и вымолвить... Уж вы найдите укорот на мужика моего. Вы посмотрите, ведь полдеревни рыжих робятишек бегают - все на одну колодку деланы.

Рыжий председатель сигналит своей бабе: «Исчезни!».

Но Дрыгин уже зацепился: «Не мешай!».

- Бабы мене в деревне проходу не дают. Уйми, говорят, своего кобеля. Всех доярок и телятниц ведь на сене перекатал... А я чего сделаю?

- А ты вот чего, - советует Дрыгин. - Ты яйцами его не корми.

- Да ведь как не кормить, - обреченно отвечает баба. - Куриц у меня много да и несутся хорошо...

...С яйцами у нас сейчас напряженка. Да и с рождаемостью куда как нехорошо.

В БАНЕ С ЗАВОЛОКИНЫМ

Наверное, Вологодчина единственная область, где передача «Играй, гармонь!» снималась дважды. В общей сложности более четырех часов экранного времени поют и пляшут вологжане, но сколько сюжетов осталось за кадром!

Зимой 1989 года в Вологодскую писательскую организацию пришел Геннадий Заволокин с просьбой помочь в съемках передачи «Играй, гармонь!». Я достаточно хорошо был знаком с вологодскими талантами и согласился поработать с Геннадием.

От встреч с гармонистами и песенниками Заволокин был в восторге:

- Вологодчина - это заповедный музыкальный край, не затоптанный, не замусоренный столичными бездарностями, поющими «а ля Русь». Надо беречь его.

Его же самого боготворили. Как-то рано утром в дверь гостиничного номера, где остановился Заволокин, раздался стук. Генна-

дий открыл и увидел перед собой высокого костистого старика с длинными, седыми, как снег, волосами. Старик ломанул с головы шапку и неожиданно упал перед Заволокиным на колени, крестясь и отбивая земные поклоны. Геннадий было опешил: не полумный ли гость посетил его?

А старик тем временем творил самодельную молитву:

- Заступник и спаситель русской гармонии, души русской, не прогневайся, не гони старого гармониста Василия Невзорова, по прозванью Квашенка. Вели выслушать, а уж потом суди.

Достал старик из заплечного мешка полыхнувшую лаком (спецзаказ!) гармонь, склонил седую голову к малиновым мехам и повел старинную прадедовскую:

*Карюшко бежит,
Колеса катятся,
Милушка далеко,
Недогаркаться...*

Как-то приехал ко мне режиссер из Москвы. Снимали они астафьевскую «Оду русскому огороду». И вот понадобился хороший, колоритный гармонист. Я сразу же о Василии Васильевиче Невзорове подумал и отослал к нему киношников. Только они вскоре ни с чем вернулись.

- Отказался, - говорят, - старик сниматься, как ни уговаривали.

А тут дверь отворяется, и сам Невзоров на пороге, с мешком заплечным.

- Что же это ты, - говорю, - Василий Васильевич, мужиков-то не приветил?

- А-а, - отвечает, - игра-то моя есть вологодское достояние. А они, боюсь, разнесут ее по свету, замусорят, отредактируют... Вот я к тебе и приехал за подтверждением: надо ли записывать?

Сам себя Невзоров считает на Вологде первым гармонистом. Где бы какой конкурс или съемки ни проходили, старается последним выступать, чтобы за ним слово последнее осталось: как говорится, гвоздь забит и шляпка откушена. Но как обычно на старика пленки у телевизионщиков не хватало. Всех покажут, а его, лучшего, нет. Обидно, конечно. Но и в той передаче у Заволокина упрости старик снимать его последним. Я ему мигаю, мол, забыл: у них пленки всегда в обрез - останешься без всесоюзной славы. На что старик тоже хитро подмигивал и рукой так успокоительно помахивал.

И вот последний день съемок.

С утра мы заехали с Геннадием к Невзорову.

Старик сиял:

- Вечером, ребята, посидим, отметим это дело.

Он подвел нас к кровати, приподнял подзор. Под кроватью парадно блестели головками бутылок два ящика водки.

Заволокин схватился за голову.

- Ради бога, Василий Васильевич, спрячь это подальше. У меня такие орлы есть, что не улетят, пока все не прикончат.

Вечером съемки. Невзоров показывает толстую общую тетрадь.

- 500 произведений! - в голосе его решимость сыграть все.

А дальше было чистое кино. Пленка через полчаса у оператора Валеры Шестакова, как и полагается в последний день, кончилась. Но старик не стусевался. Из-под кровати извлек огромную коробку с пленками для фотоаппарата.

- Снимайте дальше, - довольный произведенным эффектом, произнес Невзоров. - Не пожалел пенсии для истории.

Ну и лица же были в тот момент у всех. Жаль, заснять было не на что.

Прошлым летом мы поехали в первую очередь к Невзорову. Геннадий обнялся со стариком, и в глазах обоих сияли слезы.

...Мир истинного крестьянского дома снимали мы у старого моего товарища, инвалида минувшей войны Михаила Михайловича Глухова в Междуречье.

Придумали такую сцену. Мы с Геннадием Вылегжаниным, директором ансамбля «Частушка» из Новосибирска, паримся в бане. Потом валяемся в снегу. В предбаннике на встречу попадается Заволокин в валенках, полушубке и шапке. В комментариях я должен был пояснить:

- У нас в Вологде народ крепкий - в бане парится в рукавицах и шапках. Но в Сибири крепче еще - парятся в полушубках и валенках.

Но в спешке и волнении баню протопили плохо, угарно. Пока готовили аппаратуру, мы с Вылегжаниным, сидя на полке, не только угорели, но и замерзли.

Наконец, съемка пошла, мы вылетели из бани и кинулись в снег. Бр-р...

Тут Заволокин закричал:

- Нет, нет и нет. Почему в трусах? Еще дубль и нагишом!

Я огляделся. Кругом стояли женщины. На съемки прибыли представительницы райкома, райисполкома, отдела культуры. Свои деревенские подтянулись.

- Ты соображаешь, чего говоришь? - возмутился я. - Кругом женщины!

- Женщин с площадки убрать. Живо! Дубль - купание в снегу нагишом. Поехали!

Мы снова посидели на холодном полке и уже в чем мать родила ухнули в снег.

Заволокин был доволен.

Через полчаса мы согревались в избе чаем, просматривая отснятый банный материал. Да, было впечатлительно, когда мы с Вылегжаниным выскакивали из баньки и, сияя задками, ныряли в сугроб. Кадры удались. Но тут я заметил, что все те же женщины, обступив стол, с интересом наблюдают на мониторе эту сцену.

- Почему тут женщины? - опять возмутился я.

- Всем женщинам покинуть помещение! - скомандовал Заволокин.

Потом посмотрел на меня и захохотал:

- Слушай, теперь это будут смотреть миллионы двести. Половина - женщины. Ведь сто миллионов за дверь не выставишь. Уж, может, пусть смотрят, а?

...Снимали зимний праздник на Соборной горке. Заволокину понравились вологодские моржи и моржихи. Решили снять купание в проруби под гармонь. В назначенный день и час стянулся на реку народ: гармонисты, моржи, зрители. И как на грех, мороз - под сорок. Гармонисты руки в шубные рукавицы прячут, шапки заиндевели. Полынья на глазах стынет. Заволокин кое-как в перчатках русского выводит. А моржи? Сидят в теплом вагончике и носа на улицу не кажут. Пропал праздник...

И тут Геннадий Вылегжанин сбрасывает полушубок, шапку, сапоги, брюки, остается в трусах, носках и с русским возгласом: «Ох, так-перетак!» бежит к проруби.

Кто-то кричит:

- Носки хоть сними!

- В носках теплее, - отвечает он и бросается в дымящуюся воду. А тут уж вслед за ним ныряют и вологодские моржи - честь задета. Потом в вагончике спрашивали Вылегжанина:

- Ты что, морж?

- Какое там. Впервые в жизни. Съемку надо было спасать.

...Передача получилась на целых три часа. В двух сериях. Геннадий звонил в Вологду радостный. И вдруг в полном отчаянии - вер-

нулась из загранки главный редактор «Народного творчества», передачу кромсают, требуют переделать, перекроить, сократить.

- Я больше не могу. Брошу программу, откажусь от авторства, уеду домой.

Я просил его подождать, не горячиться. Как спасти передачу?

Вечером отослал в Москву две телеграммы народным депутатам СССР Василию Белову и Владимиру Лопатину с просьбой защитить передачу и Заволокина.

Белова в Москве не оказалось, но Лопатин телеграмму получил и со свойственной ему решительностью взял приступом приемную председателя Гостелерадио Лаптева.

Спустя короткое время Геннадий позвонил:

- Поворот на 180 градусов. Лаптев сам смотрел программу и одобрил, а вслед за ним одобрили и другие.

...Нужно сказать, что несмотря на всенародную любовь к передаче «Играй, гармонь», на самом телевидении, у руководства его, она никогда симпатий не вызывала. В тяжелых условиях постоянной борьбы за нее живут и работают Геннадий Заволокин, режиссер Марина Русских. Пусть не все и не всегда получается, но на гармонь, как на огонь, всегда будет стремиться русская душа.

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

С режиссером Сашей Сидельниковым снимали мы картину о Вологодчине. Сидели в моем кабинете и обсуждали предстоящие на завтра съемки с воздуха. В это время в комнате появилась корреспондент из областной газеты, дама приятная и общительная.

- Ребята! - трагически воскликнула она. - Горю! Срочно нужен материал в номер.

- Есть у нас человек для интервью, - в один голос сказали мы с Сашей. - Это наш директор картины С. Он такое про кино рассказать может, что читатель в щепки газетные киоски разнесет.

С. слегка покраснел, но от интервью не отказался. Действительно, большую, полную курьезных и драматических событий жизнь прожил в кино наш еще вполне молодой, привлекательный для дам директор.

Перо интервьюерши стремительно летало по блокноту.

- А однажды, - рассказывал вдохновленный вниманием дамы С. - снимали мы картину под названием «Око тайфуна». Я как директор должен был заказать самолет и подобрать экипаж, способный войти над Тихим океаном в самый эпицентр тайфуна, где и должны мы были произвести основные съемки. И вот метеорологи передают: «Тайфун!». Через полчаса в воздухе, входим в штормовую зону...

Приятная дама-корреспондент потрясенно ахает и роняет ручку. А наш герой уже на борту, сотрясаемом ураганными шквалами, мужественно продолжает организационную работу группы. Невозможно понять, где ревуший океан, а где грохочущее раскатами небо. Приборы не работают. Режиссер и оператор, бледные как смерть, без чувств повисли на пристяжных ремнях. И только он, директор, на ногах, он всматривается в грозные отсветы, самолично работает с камерой, подбадривает экипаж, прокладывает маршрут.

Фильм «Око тайфуна» удался на славу. Скромный директор во время вручения награды и премий, конечно же, умолчал о своей настоящей роли. Но каждый из съемочной группы знал, кому по праву должны принадлежать награды.

А наутро сияющий С. с пачкой свежих газет ввалился в автобус, который должен был везти нашу группу в аэропорт. Каждому подарил по газете с собственным автографом под крупным интервью с леденящим душу названием «Око тайфуна».

Но вот вологодский аэропорт, «кукурузник», скромно поджидающий на краю летного поля. Наш шофер, стеснительный вологодский парень Миша, лететь не хочет: «Я вас, ребята, на земле подожду». Но С. потечески возмущается:

- Как? Упустить возможность увидеть Вологодчину, свою малую родину, с высоты птичьего полета! Да ты потом всю жизнь бу-

дешь клясть себя, если откажешься.

Миша опустил голову и покорно поплелся вслед за директором.

У нас было четыре часа летного времени, а снять нужно было немало, и причем нужно было найти тот самый уникальный ракурс, который бы сам по себе зазвучал песней. Поэтому летчиков Вологодского авиаотряда мы попросили (наверное, теперь уже можно выдать секрет) показать свое мастерство.

... Летели на Вожегу, я хотел увидеть там огромное кладбище паровозов, с Вожеги пошли на озеро Воже, чтобы снять, как выразился наш директор, с высоты птичьего полета эти почти необжитые края, с лесами в осенней позолоте, болотами, красными от клюквы, голубое узорочье речушек, поящих гигантскую чашу озера с самым загадочным и таинственным городом на земле - Чарондой из полутора десятков домов и церквушки на берегу.

Мы увлеклись съемками. И только когда вновь пошли над лесными бесконечными массивами, обернулись назад. Наш директор едва сидел в железном кресле. Лицо его отливало синевой и зеленью, в глазах - вселенское страдание. Тут же он сорвался с места и бросился в хвост самолета, где у него был повешен большой целлофановый пакет с фотографией полуобнаженной красотки.

А что с Мишей? Бедный наш шофер, отправившийся «увидеть свою малую родину с высоты птичьего полета», лежал пластом на

полу и не мог даже мычать.

Директор, наконец, оторвался от пакета с обнаженной девицей и всем своим видом и знаками показал, что на этом славная его жизнь заканчивается.

- Посадку! - прохрипел он на последнем, казалось, издыхании. Мы заволновались, вдруг и в самом деле потеряем человека, и какого - создателя бессмертного фильма о тайфунах? И хотя летчики убеждали нас, что от этой болезни еще никто не умер, мы решили искать посадку. Но где? Кругом был лес и болота на сотни километров. Решили лететь в Чарозеро. Там был заброшенный аэродром. Но едва коснулись колеса земли, как грязь полетела во все стороны - поле раскисло от дождей, и сесть не было никакой возможности.

Миша уже не шевелился. Все посмотрели на С., в его глазах стояла такая мольба, что я попросил летчиков взять курс на Белозерск. Но едва дошли до озера, как стена дождя встала перед нами. Сквозь треск и шум слышали в эфире отказ Белозерска принять самолет - нет видимости. Легли на левое крыло и обреченно потянули на Вологду. Съёмки пропали. И тут над нами открылась картина дивной красоты Горлиц, а затем Кириллова в снопах солнца, пробившегося сквозь тучи. Оператор Саша Назаров, человек мягкий и деликатный, обрел вдруг неодолимую твердость: «Будем снимать, даже если все тут поляжем!».

Мы с Сидельниковым обернулись на С. Тот опустил глаза, мужественно махнул рукой и обреченно лег на железный пол рядом со своим подопечным Мишей, которому он всем сердцем желал показать мир с высоты птичьего полета.

А спустя два года режиссер «Вологодского романса» Александр Сидельников будет убит на съемках штурма Белого дома пулей снайпера.

ПАЛОМНИЦА

Более унылой осенней поры я, кажется, не помнил. С Сашей Преображенским, водителем старенького, громыхающего кузовом грузовичка, пересекали мы в конце октября Вологодчину, пробираясь под самую застреху ее на северо-восток. Дорога была пустынна. Лишь изредка пролетал тяжело КамАЗ, груженный дачными срубам для Москвы, и снова тишина. Ни привычных для этой поры хлебных караванов, ни тракторов с трестой, ни машин с товарами для сельской глубинки.

Угрюмые, промокшие до мозга костей, разрушенные наполовину деревушки, в которых и жизни, казалось, уже не теплилось. И тяжелые хлеба по обочинам, не тронутые жаткой хлеба, куда ни кинь взгляд - не хватало техники, не было горючего, запчастей... Да еще это небо, темным брюхом осевшее

на пропитанную холодной влагой землю...

Унылая пора, очей... увы... унынье. Что впереди? Бескормица? Бесхлебье? Мор и глад? Конец тысячелетней России, конец бытия...

Саша уже который десяток километров напряженно молчит, и я вижу по лицу, как тяжело на душе у него. Молчу и я, не в силах сказать что-либо.

Но вот на склоне дня мелькнуло видение: на задворках деревеньки старушонка косоюлитовкой косит овес. И что-то колыхнулось в душе, и я начинаю вслух размышлять о том, что в общем-то мы христиане, что вот и кресты на нас, а в христианстве уныние - это один из самых смертных грехов.

Скоро сама дорога отвлекает нас от тягостных дум. Где-то уже в темноте за Рослятинным кончается асфальт (ох, уж эти коммунисты, не успели достроить каких-то двадцать-тридцать километров дороги на восток), и мы погружаемся в жидкое месиво грунтовок. Каким-то чудом машина продолжает двигаться, видимо, сама отыскивая колею, темень сгущается, и становится жутковато. Однако впереди мы обнаруживаем по огням таких же ночных бродяг и через полчаса пристраиваемся в хвост колонне леспромхозовских тягачей.

Под утро, измученные и грязные, мы выбираемся на асфальт.

Саша решает часок подремать, я тоже с удовольствием вытягиваюсь на сиденье.

...Кажется, прошло всего мгновенье, а

Саша уже прыгает перед машиной на бетонке, пытаясь сбросить сон.

Серый рассвет нехотя растекается из-за лесных увалов. Сыро, промозгло... Надо ехать.

Какая благодать лететь километров этак под восемьдесят, чувствуя под колесами уверенную твердь! Светлеет горизонт, и на сердце светлеет.

Где-то за Подболотьем видим на дороге женщину, глухо закутанную в платок. Она несмело поднимает руку.

Садить двоих пассажиров в «газик» не положено, но что поделаешь - наверное, не зря поднялась эта женщина в такую рань.

Мы ужимаемся в кабине, и пожилая женщина, стесняясь причиненного неудобства, сырости, которую она принесла в кабину, раскаянно молит простить ее, «непутевую».

- Сегодня в пять утра из дома вышла, вот все иду. Иззябла. Шесть машин прошло - ни одни не посадили.

- А куда идете в этакую непогоду? - спросил я.

- На богомолье, милые, иду, да ноги худые стали, не несут меня, грешную. Пятнадцать километров прошла, а еще до Аргунова семнадцать осталось. Не осилить, не успеть.

И она опять принялась извиняться.

- Вы лучше расскажите, кто вы и зачем вам нужно такие муки принимать? - стали спрашивать мы.

Женщина оправила платок, посветлела лицом.

- Лежала я с одной женщиной в больни-

це, и рассказала она, что в их краях есть святое место - раньше церковь была, потом ее изничтожили, а люди все равно ходят и молятся. И такой силой чудотворной то место обладает, что многих излечивает от болезней - неизлечимых, - она вздохнула, переменялась. - А наш-то Рослятинский край - безбожный, все, что было святого, порушено. Люди про Бога забыли, себя забыли. В грехе-то, прости Господи, как свиньи в грязи. Работать негде, да и невыгодно, не платят ничего.

А тут вот в Рослятино китайцев прислали, аж сто пятьдесят человек. Больницу строить. Китайцы работают, а свои без дела слоняются.

- Нельзя к вам в Рослятино китайцев, - сказал я. - С китайцами никто не может соревноваться. Китаец работает по двадцать часов, спит там, где работает, а еды ему на день - чашки риса хватит. Да и плодятся они, как саранча. Через десять лет ваш край из русского в китайский превратится.

- Ваша правда, - отвечала покорно женщина. Потом встрепенулась. - Наши мужики и так уж между собой говорят: «Будя вилами придется переколоть». Прости меня, Господи, грешную... Рассказывать тошно. Вот я и решила в Аргуново на Бор идти, поклониться святым местам да у Бога прощения за всех попросить.

...Вскоре мы подъезжали к Аргунову. Машина взобралась на крутой угор, и взору открылась удивительная панорама. Неожиданно

сквозь тяжеленные тучи прорвалось солнце, озарив холмы и долины. От всех деревень проселками, тропками, большим бетонным трактом стекались люди к небольшому холму с кладбищем и сосновым бором на вершине. Весь этот холм был заполнен такими вот старушками да редкими среди них стариками.

Радостно пестрели женские платки, слышно было пение псалмов, в центре толпы священник в праздничном облачении размахивал кадилом.

Мы простились сердечно с попутчицей, и она всем существом своим устремилась туда, где народ возносил молитву своему Творцу.

Я обратил внимание: на соседнем холме в Аргунове стояла большая, хорошо сохранившаяся церковь. Но не было у нее праздничного народа, а на крестах ее хрипло граяли вороны.

И я вспомнил тогда историю этого места. Когда-то, в пятидесятые годы, на этом холме стояла церковь, особо чтимая народом. А здешний секретарь райкома слыл большим борцом с «опиумом для народа». Церковь приказано было взорвать. Прибывшие саперы сделали свое дело на славу, разметав храм на щебенку. Но чудо - религиозный пыл в народе не угас, а возгорелся с новой силой. Уже не десятки, а сотни людей стали собираться на месте разрушенной церкви, молиться, превратив в иконостас огромную сосну, стоявшую неподалеку.

Тогда секретарь приказал спилить и сосну. Тщетно. Стали поклоняться пню этой исполинской сосны.

В ярости секретарь приказал взорвать и пень. Щепки его разнесло на сотни метров. Люди собирали их и уносили по домам как святыни. Они, говорят, до сих пор хорошо помогают от зубной боли.

Нет теперь на Бору ни церкви, ни сосны, ни священного пня. Но каждый праздник идут сюда паломники со всей Никольшины, идут из соседних районов, и приходит их уже во сто крат больше, чем ходило тогда в эту церковь в те пятидесятые годы.

...Я рассказал Саше эту историю, и мы долго молчали. Потом он философски заметил:

- Гитлер тоже думал, что он за две недели завоюет Россию.

- А Наполеон не предполагал, что закончит жизнь на острове Святой Елены, - подхватил я.

Саша прибавил газу. Разрушенная, униженная Россия лежала по сторонам. Но уже не было в душе прежнего уныния.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЕ СЛОВА НА «О»

У нас на Вологодчине все не так, как у других. Недаром ее раньше шестнадцатой республикой звали.

Например, у нас все слова говорят на «о», окромя одного - «карасин». Нас даже Гитлер не хотел брать.

Вот как было. Поймали наши мужики в лесу диверсантов. Стали документы проверять. Открывают стратегические карты. Понятно. На каждой области свой значок. Если танк нарисован, значит танками брать будут, если машина, значит пехотой пойдут, если парашют, - то жди десантников. Только вот на нашей территории никаких значков. Что такое? Мы что хуже всех, не люди, что ли? Обидно даже.

Стали этих диверсантов пытаться, наконец, один сознался.

- Это, - говорит, - сам Гитлер решил. Я, - говорит, - Вологодчину воевать не буду. Пошлю, - говорит, - им две цистерны спирту да вагон ножигов. Они, - говорит, - напьются

и сами друг дружку перережут.

Живы до сих пор. Вовремя стратегические планы у врага рассекретили. Спирт выпили, а вагон с ножиками архангелогородцам треску чистить отправили.

... До недавнего времени к коммунизму шли, да выходит подзаблудились. Начальство-то у нас хорошее, а вот дорог нет.

Как-то наш инспектор ГАИ останавливает приезжего автомобилиста.

- Почему правила дорожного движения нарушаете? - спрашивает:

Тот возмутился:

- А где тут у вас дороги? Покажите.

Инспектор спокойно отвечает:

- Да, дорог у нас нет, но есть направления.

И вызывает по рации:

- Дежурную группу прошу продвигаться в направлении рынка...

Так что направления у нас есть, и начальство хорошее. Значит, куда-нибудь да приведут. Когда-нибудь.

**Благодарю за помощь в издании
книги своих друзей Владимира
Ширикова, Валентина Санько
и Алексея Селякова.**

Содержание

ОТ ВИНТА

«ГОЛОВА ТВОЯ УЧЕНАЯ»	5
ПОНЕСИ БАДОГ... ..	13
ПОДВИГ КУЛЬТИВАТОРА	17
НЕПРИЛИЧИЕ ВЕЛИЧИЯ	20
ПЕШИЙ ИМПЕРАТОР	22
ЦЫГАНСКИЙ ПЕГАС	24
НЕ ремесло... ..	25
ЛОШАДИНЫЕ МЕРЫ	29
УХА ИЗ БЕЛОГОЛОВОЙ	30
БЕРЛОГА С УДОБСТВАМИ	32
«РУСИШ ЭКЗОТИК»	35
БИЗНЕС В НАТУРЕ	36
ТРАГЕДИЯ НА ПЯТАКЕ	37
ПО-УСТНОМУ	37
ГЕНЕРАЛ ИЗ ДУРАКОВА	38
«КАЧАЛА ПУЙНЫЙ КОЛОФА...»	40
КУРИНЫЙ БИЗНЕС	43
НА ФРОНТЕ НАРОБРАЗА	46
КУКАРАЧА	47
ДВОЙНОЙ ОКЛАД	50
СВОИМ ДОМОМ	50
КИРИЛЛОВСКАЯ	51
В ПРИМАКАХ.....	53
С БАЛАЛАЙКОЙ	56

ГДЕ РАЙ ЗЕМНОЙ?	59
НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ	60
ОТ ВИНТА!	63

ВЕЧЕРА НА ГАЛДАРЕЕ

СТАРИКИ	69
НЕ ПОЛОЖЕНО!	70
«ГАЛДАРЕЯ»	74
ЦЕНИТЕЛИ	76
... ДА САМОВАР-БАТЮШКА	79
ДОМА	80
СВОЙ РАСЧЕТ	81
В ОТСТАВКЕ	82
СТРАШНАЯ МЕСТЬ	83
ЗА МУКОЙ	83
ПОСИДЕЛА...	85
ЛАДНО ЛИ?	86
СВИНАРКА И ПАСТУХ	88
СОН ФЕДОТА	89
МЕНИСТР ОЛЕША	90
ВОТ ЭТО РУЖЬЕ!	91
ТЕМНАЯ БУТЫЛКА	92
ПОЛКИЛА ПОГИБЛЫ	93
НОЧЬЮ	94
«ТЕРЕОТИЧЕСКИ...»	95
ЗИМОВЬЕ НА ЯГРЫШЕ	97
БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ	99
СТАКАН ВОДКИ	101
«ЧТО Я ВАМ СКАЖУ...»	103
КАК ПЕТЬКА НЕ ПОВЕРИЛ ГЕРОДОТУ	106
ЧУВСТВО ХОЗЯИНА	108
ГОМО САПИЕНС	111

ГАЛДАРЕЙНЫЕ БЕСЕДЫ	113
ПРАЗДНИК	118
ВСЯК КУЛИК	119
НА ТРАКТЕ	120

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

СТАРЫЙ ДОМ	123
КОЛЬКА ПЕТРОВИЧ	135
ЖАРКИМ ЛЕТОМ	143
ТАЙНА РУССКОЙ ПЕЧИ	160
ПАПА ТОЛЯ	162
В БАНЕ С ЗАВОЛОКИНЫМ	168
С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА	175
ПАЛОМНИЦА	179

25002

